

**ОБЗОР
ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ОТНОШЕНИИ
ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ
КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД**

**ЗАРУБЕЖНЫЙ АППАРАТ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**СТРАСБУРГ
2017**

ОГЛАВЛЕНИЕ

АЗЕРБАЙДЖАН	5
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 мая 2014 года по делу № 15172/13 «Ильгар Маммадов против Азербайджана» (Ilgar Mammadov v. Azerbaijan).....</i>	5
БЕЛЬГИЯ	8
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 ноября 2014 года по делу № 64682/12 «Василеску против Бельгии» (Vasilescu v. Belgium).....</i>	8
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 сентября 2014 года по делу № 140/10 «Трабельси против Бельгии» (Trabelsi v. Belgium).....</i>	10
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 июня 2015 года по делу № 26417/10 «Уабур против Бельгии» (Ouabour v. Belgium).....</i>	12
ВЕНГРИЯ.....	14
<i>Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 23 июня 2016 года по делу № 20261/12 «Бака против Венгрии» (Baka v. Hungary).....</i>	14
<i>Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 17 мая 2016 года по делам № 42461/13 «Карашони и другие против Венгрии» (Karacsony and others v. Hungary) и № 44357/13 «Сзель и другие против Венгрии» (Szel and others v. Hungary).....</i>	18
ГРУЗИЯ.....	21
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 мая 2015 года по делу № 73235/12 «Идентоба и другие против Грузии» (Identoba and others v. Georgia)</i>	21
ЛИТВА	23
<i>Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 6 января 2011 года по делу № 34932/04 «Паксас против Литвы» (Paksas v. Lithuania).....</i>	23
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 сентября 2007 года по делу № 27527/03 «Л. против Литвы» (L. v. Lithuania)</i>	26
<i>Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 20 октября 2015 года по делу № 35343/05 «Василияускас против Литвы» (Vasiliauskas v. Lithuania)</i>	27
РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА	34
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 июня 2012 года по делу № 9106/06 «Гендердок-М. против Республики Молдова» (Genderdoc-M. v. Republic of Moldova).....</i>	34
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 июля 2014 года по делу № 47306/07 «Нинеску против Республики Молдова» (Ninescu v. the Republic of Moldova).....</i>	36
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 июля 2014 года по делу № 3473/06 «Ткач против Республики Молдова» (Tcaci v. the Republic of Moldova).....</i>	38
НИДЕРЛАНДЫ.....	41
<i>Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 20 ноября 2014 года по делу № 47708/08 «Джалуд против Нидерландов» (Jaloud v. Netherlands).....</i>	41
НОРВЕГИЯ.....	43
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2014 года по делу № 32504/11 «Каплан и другие против Норвегии» (Kaplan and others v. Norway).....</i>	43

ПОЛЬША	45
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2014 года по делу № 28761/11 «Аль Нашири против Польши» (Al Nashiri v. Poland)</i>	45
<i>«Пилотное» постановление Европейского Суда по правам человека от 7 июля 2015 года по делу № 72287/10 «Рутковский и другие против Польши» (Rutkowski and others v. Poland)</i>	50
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 июня 2015 года по делу № 57722/12 «Грабовский против Польши» (Grabowski v. Poland)</i>	53
РУМЫНИЯ	56
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 июля 2014 года по делу № 19320/07 «Бутиуч и Думитроф против Румынии» (Butiuc and Dumitrof v. Romania)</i>	56
СЕРБИЯ/СЛОВЕНИЯ.....	58
<i>Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 16 июля 2014 года по делу № 60642/08 «Алишич и другие против Республики Босния и Герцеговина, Хорватии, Сербии, Словении и бывшей Югославской Республики Македонии» (Ališić and others v. Bosnia and Herzegovina, Croatia, Serbia, Slovenia and «the former Yugoslav Republic of Macedonia»)</i>	58
СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО.....	61
<i>Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 13 сентября 2016 года по делу № 50541/08 «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (Ibrahim and others v. United Kingdom)</i>	61
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 октября 2005 года по делу № 74025/01 «Херст против Великобритании»(№ 2) (Hirst group v. the United Kingdom (No.2))</i>	64
ТУРЦИЯ	67
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 мая 2001 года по делу № 25781/94 «Кипр против Турции» (Cyprus v. Turkey)</i>	67
ФИНЛЯНДИЯ	71
<i>Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 19 апреля 2007 года по делу № 63235/00 «Вильхо Эскелинен и другие против Финляндии» (Vilho Eskelinen and others v. Finland)</i>	71
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июня 2015 года по делу № 32297/10 «Нискасаари и «Отавамедиа Оу» против Финляндии» (Niskasaari and Otavamedia Oy v. Finland)</i> .	73
ФРАНЦИЯ	76
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 2014 года по делам №№ 17110/10 и 17301/10 «Али Саматар и другие против Франции» (Ali Samatar and others v. France)</i> ..	76
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 2014 года по делам №№ 46695/10 и 54588/10 «Хассан и другие против Франции» (Hassan and others v. France)</i>	79
<i>Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 10 ноября 2015 года по делу № 40454/07 «Кудерк и АО «Ашетт-Филиппачи» против Французской Республики» (Couderc and Hachette Filipacchi Associés v. France)</i>	82
ШВЕЦИЯ	85
<i>Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 23 марта 2016 года по делу № 43611/11 «Ф.Г. против Швеции» (F.G. v. Sweden)</i>	85
ШВЕЙЦАРИЯ	88

<i>Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 15 октября 2015 года по делу № 27510/08 «Перинчек против Швейцарии» (Perincek v. Switzerland).....</i>	<i>88</i>
<i>Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 21 июня 2016 года по делу № 5809/08 «Аль-Дулими и Монтана менеджмент Инк. против Швейцарии» (Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland).....</i>	<i>92</i>
УКРАИНА.....	95
<i>Пилотное постановление Европейского Суда по правам человека от 15 октября 2009 года по делу № 40450/04 «Юрий Николаевич Иванов против Украины» (Yuriy Nikolayevich Ivanov v. Ukraine) ...</i>	<i>95</i>
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 ноября 2005 года по делу № 34056/02 «Гонгадзе против Украины» (Gongadze v. Ukraine)</i>	<i>97</i>
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 октября 2014 года по делу № 46193/13 «Чаниев против Украины» (Chanuyev v. Ukraine)</i>	<i>99</i>
<i>Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 июля 2013 года по делу 23465/03 «Агрокомплекс против Украины» (Agrokompleks v. Ukraine)</i>	<i>101</i>

АЗЕРБАЙДЖАН

Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 мая 2014 года по делу № 15172/13 «Ильгар Маммадов против Азербайджана» (Ilgar Mammadov v. Azerbaijan)

Заявителем по настоящему делу является гражданин Азербайджана Ильгар Маммадов, осуществлявший активную общественно-политическую деятельность. И. Маммадов вел в Интернете авторский блог, содержащий критические оценки в отношении действий властей Азербайджана. Он также возглавлял «Бакинскую школу политических исследований», являвшуюся партнером программы политических наук Совета Европы, а в 2012 году был избран председателем гражданского движения «Республиканская альтернатива». В январе 2013 года руководство движения «РЕАЛ» объявило о планах И. Маммадова баллотироваться на намеченных в ноябре 2013 года очередных выборах Президента Азербайджана.

23 января 2013 года в городе Исмаиллы вспыхнули массовые беспорядки, формальным поводом для которых послужило ДТП с участием автомобиля родственника одного из членов правительства государства-ответчика. В ходе беспорядков недвижимому имуществу, якобы принадлежавшему семье участника инцидента, был причинен существенный ущерб. Заявитель как один из лидеров оппозиции прибыл в данный населенный пункт на второй день беспорядков и в дальнейшем опубликовал в своем Интернет-блоге ряд материалов, в которых заявил, что официальная версия событий может не соответствовать действительности и является попыткой прикрытия истинных причин массовых недовольств.

29 января 2013 года руководство МВД и Генеральной Прокуратуры Азербайджана в совместном заявлении для прессы прямо упомянули заявителя как специально прибывшего в Исмаиллы подстрекателя местных жителей к социально-политической дестабилизации и неповиновению силам правопорядка.

Непосредственно после пресечения правоохранительными органами соответствующих беспорядков заявитель был неоднократно допрошен в качестве свидетеля.

4 февраля 2013 года И. Маммадову были предъявлены обвинения в совершении 24 – 25 января 2013 года в городе Исмаиллы преступлений, предусмотренных положениями статьи 233 («организация либо активное участие в акциях, приведших к нарушению общественного порядка») и 315.2 («сопротивление либо насилие в отношении должностных лиц, угрожающее их жизни и здоровью») Уголовного кодекса Азербайджана.

В тот же день Насимийским районным судом города Баку было удовлетворено ходатайство Генеральной Прокуратуры об избрании заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу сроком на 2 месяца.

Уже в первой декаде февраля 2013 года Генеральный Секретарь Совета Европы Т. Ягланд, руководство Парламентской Ассамблеи и Европейской Комиссии обратилось к властям Азербайджана с призывом изменить меру пресечения в отношении И. Маммадова, обеспечить к нему доступ представителей Совета Европы, а также провести тщательное и независимое расследование по существу предъявленных ему обвинений.

Одновременно с заявлениями о «политически мотивированных преследованиях» заявителя властями Азербайджана выступили НПО «Human Rights Watch» и «Amnesty International».

До начала судебного разбирательства по делу заявителя последнему неоднократно продлевалась мера пресечения в виде содержания под стражей. Основанием для применения такой меры послужило, в том числе дополнительно предъявленное заявителю в апреле 2013 года обвинение в совершении преступления, предусмотренного статьей 220.1 («Массовые беспорядки») Уголовного кодекса. В качестве верхнего предела наказания по этой статье установлен 12-летний срок лишения свободы, а избрание обвиняемым в совершении данного преступления альтернативных содержанию под стражей мер пресечения, не применяется.

Несмотря на это обстоятельство, заявитель продолжил оспаривать в судебном порядке постановления о продлении срока содержания под стражей, которые были оставлены судом апелляционной инстанцией без изменения как законные и обоснованные.

Решением Центральной избирательной комиссии от 13 сентября 2013 года продолжавшему находиться под стражей И. Маммадову было отказано в регистрации в качестве кандидата для участия в президентских

выборах в связи с представлением в его поддержку подписей избирателей, не удовлетворяющих требованиям избирательного законодательства, в том числе по количеству.

Приговором Шекинского районного суда от 17 марта 2014 года заявитель был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 315.2 и 220.1 УК Азербайджана и приговорен к семи годам лишения свободы. Непосредственно после принятия постановления ЕСПЧ по жалобе заявителя Шекинский апелляционный суд в июне 2014 года своим определением оставил вынесенный И. Маммадову приговор без изменения, отклонив его апелляционную жалобу.

Рассмотрев жалобу заявителя ЕСПЧ пришел к заключению о том, что И. Маммадов был лишен свободы до суда в отсутствие у азербайджанских властей «обоснованных подозрений» в том, что заявитель действительно совершил инкриминируемые ему преступления.

В ходе судебного разбирательства ЕСПЧ было установлено, что заявитель прибыл в город Исмаиллы на второй день после начала спонтанно вспыхнувших беспорядков. В то время как по версии обвинения, которое легло в основу уголовного преследования, заявитель после прибытия в город ранним утром 24 января 2013 года скоординировал ранее разрозненные хулиганские действия зачинщиков беспорядков, придав им характер целенаправленных выступлений против представителей властей. Именно такой характер действий заявителя позволил властям классифицировать его действия по статье 220.1 УК Азербайджана.

Однако следственные органы не представили каких-либо убедительных доказательств того, что указанные действия заявителя действительно имели место. На основании исследования и оценки соответствующих материалов ЕСПЧ единогласно признал факт нарушения прав заявителя, предусмотренных положениями пункта 1(с) статьи 5 Конвенции.

Судьи ЕСПЧ также единогласно признали факт нарушения властями государства – ответчика положений пункта 4 статьи 5 Конвенции на том основании, что апелляционные суды Азербайджана не рассматривали по существу содержание жалоб заявителя, оспаривавшего законность изначально избранной к нему меры пресечения в виде содержания под стражей и ее последующего продления. При этом было установлено, что заявитель

последовательно приводил новые факты и основанные на них доводы, свидетельствующие о неправомерном характере продолжения применения в отношении него данной меры пресечения.

Исследовав и оценив содержание сообщения для прессы, подготовленного правоохранительными органами 29 января 2013 года, Европейский Суд констатировал, что содержащиеся в нем формулировки, указывавшие на заявителя как на лицо, совершившее преступления, были озвучены до того, как заявителю были предъявлены 4 февраля 2013 года официальные обвинения.

Таким образом, власти допустили в отношении заявителя нарушение принципа презумпции невиновности в нарушение положений пункта 2 статьи 6 Конвенции.

В контексте рассмотрения вопроса о предполагаемом нарушении властями государства-ответчика положений статьи 18 Конвенции Европейский Суд пришел к выводу, что заявитель был арестован специально, чтобы заставить его замолчать и наказать за откровенную критику властей и попытку распространить информацию, которую последние хотели бы скрыть. В результате заявитель был признан жертвой нарушения статьи 18 Конвенции.

Европейский Суд в полном объеме удовлетворил требования заявителя о выплате 20 000 евро компенсации морального вреда, а также присудил в его пользу 2 000 евро в качестве компенсации понесенных судебных расходов и издержек. В удовлетворении иных притязаний имущественного характера И. Маммадову было отказано.

Судебный акт вступил в силу 13 октября 2014 года.

БЕЛЬГИЯ

Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 ноября 2014 года по делу № 64682/12 «Василеску против Бельгии» (Vasilescu v. Belgium)

Настоящее дело касается проблематики ненадлежащих условий содержания под стражей и отбывания наказаний лиц в пенитенциарных учреждениях Бельгии.

Из обстоятельств данного дела следует, что заявитель, Марин Василеску, гражданин Румынии, содержался в местах лишения свободы в период с октября 2011 года по октябрь 2012 года в переполненных камерах, и в камерах, не имеющих туалета и водопровода. Ему также приходилось несколько недель спать на матрасе, расположенном на полу, и дышать табачным дымом, не являясь курильщиком.

Согласно позиции, сформированной Европейским Судом, материальные условия содержания заявителя в тюрьмах городов Антверпен и Мерксплас в совокупности достигли минимального уровня жестокости, который требуется для применения статьи 3 Конвенции, и представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

ЕСПЧ подчеркнул структурный характер проблемы переполненности пенитенциарных учреждений Бельгии, ветхости соответствующих зданий и отсутствие требуемой гигиены.

В мотивировочной части судебного акта акцентируется внимание на том, что ненадлежащие условия содержания, на которые жаловался заявитель по настоящему делу, ранее неоднократно отмечались бельгийскими и международными наблюдателями. При этом, по-видимому, в учреждениях, где содержался заявитель, не произошло каких-либо изменений к лучшему.

Более того, в 2012 году Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания подчеркивал, что ситуация с переполненностью тюрем в Бельгии на протяжении последних лет не перестает ухудшаться.

Наряду с этим, Судом констатировано, что ни одно из существующих средств правовой защиты, упомянутых властями государства-ответчика в обоснование своих возражений, нельзя было считать эффективным на практике.

В приведенных обстоятельствах, в контексте применения статьи 46 Конвенции Европейский Суд предписал государству-ответчику запланировать принятие мер общего характера, направленных, с одной стороны на обеспечение содержащимся под стражей лицам надлежащих условий, гарантированных положениями Конвенции, а с другой - доступность для лиц, находящихся в ситуации, подобной ситуации заявителя, средств правовой защиты, препятствующих продолжению соответствующих нарушений и (или)

позволяющих заинтересованным лицам получить улучшение условий их содержания под стражей.

В пользу заявителя в качестве компенсации морального вреда присуждено 10 000 евро, а также 800 евро судебных расходов и издержек.

Судебный акт вступил в силу 20 апреля 2015 года.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 сентября 2014 года по делу № 140/10 «Трабельси против Бельгии» (Trabelsi v. Belgium)

В данном деле Европейский Суд, ссылаясь на выработанные в прецедентной практике подходы, единогласно признал заявителя-гражданина Туниса, обвиняемого в Соединенных Штатах Америки в совершении террористических актов, жертвой нарушения статей 3 и 34 Конвенции в связи с имевшей место в октябре 2013 года на основании принятого решения бельгийских властей его экстрадиции из государства-ответчика для уголовного преследования в США в нарушение 39 Правила Регламента Суда.

В соответствии двухсторонним соглашением власти США в апреле 2008 года передали бельгийским властям запрос о выдаче заявителя. Правовым основанием для такого запроса послужил судебный акт, вынесенный 16 ноября 2007 года Окружным судом округа Колумбия в отношении заявителя, в котором указывались различные обвинения в террористической деятельности, включая членство в преступном сообществе, деятельность которого направлена на организацию убийств американских граждан за пределами территории США, попытку использования оружия массового поражения, предоставление материальной помощи и иных ресурсов иностранной террористической организации.

Лежащие в основе предъявленных обвинений факты, свидетельствовали о том, что в середине 2000 года или ранее, будучи в Германии и ряде других западноевропейских государствах, а также Афганистане Н. Трабельси сознательно вступил в сговор с членами террористической организации «Аль-Каида», включая ее лидера Усаму Бен Ладена, с целью предоставления материальной помощи и других ресурсов для организации террористической деятельности на территории Западной Европы.

Согласно положениям законодательства США за совершение инкриминируемых заявителю деяний последний мог быть подвергнут уголовному наказанию в виде пожизненного лишения свободы. При этом в действующей на тот момент системе правового регулирования исполнения уголовных наказаний возможность сокращения такого срока либо условно-досрочное освобождение не допускались ни при каких условиях.

В соответствии с подходами, сформированным в прецедентной практике ЕСПЧ, вынесение приговора, предусматривающее наказание совершеннолетнему преступнику в виде пожизненного тюремного заключения, не представляет собой нарушения положений Конвенции, при условии соблюдения Высокой Договаривающейся Стороной принципа пропорциональности при назначении наказания характеру совершенного преступного деяния. В этой связи с позиции конвенционного регулирования отбывание пожизненного наказания не является нарушением.

Вместе с тем, несовместимой с конвенционными требованиями является ситуация, когда отсутствуют юридическая и фактическая возможность замены такого наказания на более мягкое или сокращение его срока, в результате чего осужденный к пожизненному лишению свободы лишается в принципе всякой надежды на освобождение.

В обоснование констатации нарушения государством-ответчиком положений статьи 3 Конвенции Европейский Суд указал, что в результате экстрадиции в США, заявитель был подвергнут риску уголовного наказания в виде пожизненного лишения свободы без предоставления возможности досрочного освобождения.

Основания и мотивы признания Судом нарушения властями Бельгии положений статьи 34 Конвенции изложены в пунктах 144-154 постановления.

В частности, со ссылкой на постановление от 25 апреля 2014 года по жалобе № 71386/10 «Савриддин Джураев против России» отмечены значение и жизненно важная роль обеспечительных мер в системе конвенционного регулирования.

При этом, в постановлении по данному делу акцентируется внимание на совершение экстрадиции заявителя государством-ответчиком в США, невзирая на трехкратный отказ Европейского Суда отменить применение в отношении него 39 Правила по соответствующим ходатайствам бельгийских властей.

В заключение ЕСПЧ констатировал, что умышленное нарушение властями Бельгии требований обеспечительных мер необратимо понизило уровень защиты прав заявителя, гарантированных положениями Конвенции.

В контексте применения статьи 41 Конвенции Европейский Суд присудил выплатить заявителю 60 000 евро морального вреда и 30 000 евро в качестве компенсации судебных издержек и расходов.

Настоящее постановление вступило в силу 16 февраля 2015 года.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 июня 2015 года по делу № 26417/10 «Уабур против Бельгии» (Ouabour v. Belgium)

Из обстоятельства дела следует, что заявитель, подданный Королевства Марокко Абдалла Уабур, в марте 2004 года был арестован бельгийскими властями по обвинению в подделке удостоверений личности для пребывавших в Бельгию иностранцев в составе преступной группы. В феврале 2006 года суд первой инстанции города Брюсселя приговорил заявителя к лишению свободы сроком на 5 лет, признав его виновным как в участии в преступной группе общеуголовного характера, так и в причастности к деятельности террористической организации. Заявитель и пятеро лиц, осужденных вместе с ним, обжаловали данный приговор в апелляционной, а затем и в кассационной инстанции.

В январе 2007 года апелляционный суд города Брюсселя установив, что заявитель являлся не просто участником, а организатором террористической группы, постановил обвинительный приговор о лишении последнего свободы сроком на 6 лет.

27 июня 2007 года определением Кассационного суда Бельгии приговор был оставлен без изменения.

В период содержания заявителя под стражей органами прокуратуры Марокко был оформлен международный ордер на задержание заявителя, в соответствии с которым А. Уабур в 2000-2002 годах был активным участником «Марокканской боевой исламистской группы», проходил подготовку в Сирии и Афганистане, а с 2003 года участвовал в организации ячеек группы в марокканских диаспорах Франции и Бельгии.

После ареста в Марокко ряда активистов группы в 2003 году и дачи ими

признательных показаний о преступной деятельности заявителя, марокканские власти в июле 2005 года в соответствии с двухсторонней Конвенцией о выдаче, направили в Бельгию ходатайство об экстрадиции А. Уабура для его привлечения к уголовной ответственности за участие в экстремистской террористической организации на территории Марокко. В приведенных обстоятельствах в ответ на ходатайство органов марокканской прокуратуры Министром юстиции Бельгии в 2008-2009 годах дважды выносились решения об экстрадиции А. Уабура в Марокко.

Заявитель обжаловал решения об экстрадиции в высшей административной инстанции страны - Государственном Совете Бельгии, сославшись на опубликованные в 2006-2008 годах доклады крупнейших международных НПО «Amnesty International» и «Human Rights Watch» с указанием о имеющейся практике вынесения в Марокко смертных приговоров в отношении обвиняемых в причастности к исламским радикальным структурам в отсутствие справедливого судебного разбирательства, а также систематически практикуемых марокканскими властями пытках и незаконном содержании под стражей данной категории лиц.

Кроме того, в обоснование своих доводов заявитель сослался на прецедентную практику Европейского Суда, связанную с проблематикой выдачи для уголовного преследования лиц в государства, не обеспечивающие соблюдение гарантий, предусмотренных Конвенцией.

По итогам рассмотрения жалоб заявителя в 2009-2010 годах Государственным Советом исполнение принятых решений об экстрадиции заявителя было приостановлено.

В связи с предстоящим истечением срока лишения свободы, определенного заявителю приговором бельгийского суда, 11 мая 2010 года последний обратился в Европейский Суд с ходатайством о принятии в отношении него обеспечительных мер, предусмотренных положениями Правила 39 Регламента Суда, призванных гарантировать запрет на его экстрадицию в Марокко. Соответствующее решение ЕСПЧ было вынесено 12 мая 2010 года. Наряду с этим, Суд принял к рассмотрению жалобу заявителя на предполагаемое нарушение его прав, гарантированных статьей 3 Конвенции.

В мотивировочной части постановления по делу заявителя, Европейским Судом проанализировано содержание докладов названных

неправительственных организаций о ситуации с правами человека в Марокко за период 2004 - 2015 годов, а также материалы доклада Комитета ООН по правам человека по результатам поездок его рабочих групп в Марокко в 2012 и 2013 годах.

С учетом содержащихся в них выводов о систематическом нарушении марокканскими властями прав человека, предусмотренных положениями Конвенции, а также прецедентной практики, поднимающей вопросы экстрадиции из стран-членов Совета Европы в третьи страны (*«M.C. против Бельгии» (M.S. v. Belgium, №50012/08)*, *«Рафаа против Франции» (Rafaa v. France, № 25393/10)*, *«Трабельси против Бельгии» (Trabelsi v. Belgium, № 140/10)*) Европейский Суд заключил, что права заявителя, гарантированные положениями статьи 3 Конвенции будут нарушены в случае его последующей экстрадиции в Марокко.

Кроме того, в обоснование принятого по делу заявителя судебного акта Европейский Суд также сослался на отсутствие информации о предпринятых Бельгией дипломатических демаршах с целью получения от марокканских властей гарантий надлежащего обращения с заявителем после его экстрадиции.

Европейский Суд отклонил требование А. Уабура о выплате властями Бельгии 108 000 евро в качестве компенсации морального вреда, указав, что в данном случае адекватной компенсацией будет являться само постановление Суда о запрете экстрадиции заявителя из Бельгии в Марокко. Суд также признал частично обоснованным требование заявителя о выплате ему денежной компенсации за понесенные судебные издержки и расходы, определив размер соответствующей компенсации в 6 500 евро - вместо 12 790 евро, изначально требуемых заявителем.

Судебный акт вступил в силу 2 сентября 2015 года.

ВЕНГРИЯ

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 23 июня 2016 года по делу № 20261/12 «Бака против Венгрии» (Baka v. Hungary)

Заявитель, гражданин Венгрии Андраш Бака в 1991 - 2008 годов был избраным от Венгрии судьей Европейского Суда по правам человека.

По завершении своих полномочий в ЕСПЧ заявитель в результате голосования, состоявшегося в парламенте Венгрии в июне 2009 года, был утвержден в должности председателя Верховного Суда Венгрии на 6-летний срок. В этой должности А. Бака также возглавил Национальный Совет юстиции Венгрии, ответственный за осуществление организационно-кадровой политики в судебной системе страны.

В обязанности заявителя, в том числе входило представление обязательных заключений в отношении законопроектов, затрагивающих национальную судебную систему.

В частности, последний неоднократно выступал в парламенте Венгрии с критическими замечаниями против предложенного в начале 2011 года коалицией правивших в стране партий снижения обязательного возраста выхода на пенсию для венгерских судей с 70 до 62 лет, поскольку это повлекло бы вынужденные массовые отставки последних.

Наряду с этим, коалиция политических партий «Венгерский гражданский союз» и «Христиано-демократическая народная партия» инициировала в стране проведение конституционной реформы, предусматривающей, в том числе, возвращение Верховному Суду Венгрии его исторического наименования «Курия», существовавшего до 1948 года, а также разделение полномочий председателя венгерского Верховного Суда и главы Национального Совета юстиции.

После одобрения парламентом соответствующих конституционных поправок в декабре 2011 года и вступления их в силу с января 2012 года, заявитель был отрешен от исполнения полномочий по обеим ранее занимаемым должностям. А. Бака утратил право повторно выдвинуть свою кандидатуру на должность председателя Верховного Суда Венгрии, поскольку новые положения конституционного законодательства страны установили в качестве требования к кандидатам для занятия этой должности наличие предыдущего опыта работы судьей в Венгрии сроком не менее 5 лет, без какого-либо учета аналогичной работы в ЕСПЧ и иных международных судебных органах.

В декабре 2011 года парламент Венгрии своим голосованием утвердил кандидатуру Петера Дарака на должность председателя национального Верховного Суда («Курии»), и кандидатуру Тунде Хандо в качестве нового

главы Национального Совета юстиции. Будучи вынужден досрочно сложить с себя полномочия по этим обеим должностям в январе 2012 года, после половины ранее определенного срока их исполнения, А. Бака не получил от властей Венгрии каких-либо компенсаций по пенсионным и иным льготам, пожизненно полагававшимся ему по завершении полного срока председательства в Верховном Суде.

В своей жалобе в ЕСПЧ заявитель указал на то, что в результате действий венгерских властей, организовавших проведение конституционной реформы в отношении национальной судебной системы страны в период руководства заявителем Верховным Судом Венгрии, он не только был незаконно лишен своих должностных полномочий и связанных с ними материальных льгот, но и не имел возможности обжаловать их в национальных судебных органах. Заявитель также указал в своей жалобе, что его досрочная отставка с должности председателя Верховного Суда Венгрии при невозможности переподтверждения его полномочий стала следствием его преследования государственным руководством страны из-за последовательной критической позиции в отношении реализуемой властями Венгрии реформы национальной судебной системы.

Рассмотрев жалобу заявителя, ЕСПЧ в постановлении от 27 мая 2014 года единогласно признал допущенные властями Венгрии в отношении последнего нарушения положений пункта 1 статьи 6 Конвенции, поскольку формальным основанием для досрочного прекращения его полномочий председателя Верховного Суда Венгрии стала принятая в 2011 году конституционные поправки, которые не могли быть оспорены каким-либо национальным судебным органом. Палата ЕСПЧ также признала, что отрешение А. Баки от должности стало фактическим следствием озвученной им критики действий новых властей Венгрии, и, тем самым, явилось нарушением положением статьи 10 Конвенции.

Данное дело было передано 15 декабря 2014 года на рассмотрение в Большую Палату Европейского Суда по ходатайству венгерских властей.

В ходе рассмотрения настоящего дела в Большой Палате ЕСПЧ власти не смогли представить убедительных аргументов о применимости к заявителю критериев, указанных в постановлении по делу «Вильхо Эскелинен и другие против Финляндии», а А. Бака лишился своей должности и связанных с ней

социальных льгот в результате весьма спорных реформ конституционного законодательства Венгрии, законность которых заявитель не мог оспорить в национальных судебных органах, судьи БП ЕСПЧ большинством в 15 голосов против двух признали факт нарушения венгерскими властями прав заявителя, предусмотренных положениями пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Рассмотрев вопрос о возможном нарушении прав заявителя, предусмотренных положениями статьи 10 Конвенции, Большая Палата ЕСПЧ в своем постановлении сослалась на сформированную Судом к настоящему времени прецедентную практику. Сходные нарушения прав на свободу выражения мнения физическими лицами, являвшимися судьями, ранее были признаны Судом в ряде дел («Вилле против Лихтенштейна» (*Wille v. Liechtenstein*, № 28396/95), «Харабин против Словакии» (*Harabin v. Slovakia*, № 58688/11)).

С учетом своей прецедентной практики Европейский Суд констатировал наличие причинно-следственной связи между критическими заявлениями А. Баки, озвученными в 2011 году, и его увольнением с должности председателя Верховного Суда Венгрии в 2012 году, однако ЕСПЧ не усмотрел наличия в демократическом обществе какой-либо необходимости в предусмотренных положениями пункта 2 статьи 10 Конвенции ограничениях либо санкциях в отношении свободы заявителя выражать свое мнение по общественно значимой теме конституционной реформы в Венгрии. Большинством в 15 голосов против двух судьи Большой Палаты признали в данном случае наличие нарушений прав заявителя, предусмотренных положениями статьи 10 Конвенции.

Большая Палата ЕСПЧ не сочла необходимым рассматривать жалобу заявителя на возможные нарушения его прав, предусмотренных положениями статьи 13 Конвенции, в связи с уже признанным ими фактом нарушения прав заявителя по пункту 1 статьи 6 Конвенции. Судьи ЕСПЧ также не усмотрели необходимости в рассмотрении жалобы заявителя на возможное нарушение статьи 14 Конвенции в связи с уже признанным фактом нарушения прав заявителя по пункту 1 статьи 6 и по статье 10 Конвенции.

В рамках применения статьи 41 Конвенции Европейский Суд присудил заявителю 70 000 евро в качестве компенсации морального вреда, а также 30 000 евро судебных расходов и издержек.

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 17 мая 2016 года по делам № 42461/13 «Карашони и другие против Венгрии» (Karacsony and others v. Hungary) и № 44357/13 «Сзель и другие против Венгрии» (Szel and others v. Hungary)

Предметом жалоб семи заявителей - граждан Венгрии, которые в 2013 году были членами национального парламента от левоцентристских оппозиционных партий «Диалог за Венгрию» и «Политика может быть другой» по делам «Карашони и другие против Венгрии» и «Сзель и другие против Венгрии», явилось предполагаемое нарушение венгерскими властями их права на свободу выражения мнения в форме протестных акций на сессии парламента, а также отсутствием национальных средств правовой защиты в этой связи.

В ходе сессии парламента Венгрии в апреле-мае 2013 года Карашони и трое других заявителей по первому делу дважды разворачивали в здании парламента лозунги с надписями, критиковавшими имеющее парламентарское большинство консервативную партию «Венгерский гражданский союз» (FIDESZ) за продвигаемые последней в национальное законодательство поправки, либерализовавшие оборот табачных изделий: «ФИДЕС: ты ворующь, жульничаешь и лжешь!» и «Здесь действует отечественная табачная мафия».

Трое заявителей по второй жалобе в июне 2013 года в ходе итогового голосования о поправках в национальный закон о землепользовании развернули в зале заседания парламента плакат «Землепользование вместо землеграбления!».

В обоих случаях спикер внес на рассмотрение законодательного органа предложение о наказании участников манифестаций посредством наложения на них денежных штрафов в соответствии с Регламентом Парламента, предусматривающим возможность соответствующих санкций за «деяния членов парламента, серьезно препятствующие его работе либо подрывающие его авторитет».

В итоге принятое большинством парламентариев решение обязало заявителей выплатить штрафы в размере от 170 до 600 евро, что составляло существенную часть их месячного денежного содержания.

Содержание и практика применения спорных положений Регламента Парламента Венгрии ранее являлись предметом рассмотрения со стороны национального Конституционного Суда по жалобе наказанного подобным образом депутата от оппозиционной партии «Джоббиг».

Конституционный Суд в 2012 году признал указанную практику соответствующей правомочиям парламента как органа самостоятельно определяющего порядок поддержания внутрипарламентской дисциплины.

Таким образом, позиция высшего судебного органа государства - ответчика делала невозможным защиту их прав и интересов на национальном уровне.

16 сентября 2014 года ЕСПЧ вынес постановления по жалобам заявителей. В обоих случаях были единогласно признаны допущенные властями Венгрии нарушения прав заявителей, предусмотренных положениями статей 10 Конвенции и статьи 13 во взаимосвязи со статьей 10 Конвенции. Суд пришел к выводу, что вмешательство в право заявителей на свободу выражения мнения «не являлось необходимым в демократическом обществе». Так, тяжесть наложенных на них санкций, которым не предшествовали какие-либо предупреждения заявителей со стороны руководства парламента, была несоразмерно велика по сравнению с действиями заявителей. При этом Суд отметил, что само по себе осуществление парламентского контроля над ненадлежащим поведением отдельных депутатов национальных парламентов стран-членов Совета Европы является обычной и нормальной практикой.

В дальнейшем настоящее дело по обеим жалобам было передано на рассмотрение Большой Палаты ЕСПЧ по ходатайству государства-ответчика.

В обоснование своих требований заявители последовательно ссылались на то, что в ходе манифестаций в парламенте Венгрии они выразили свое мнение ненасильственным способом. Напротив, наложенные на заявителей наказания оказали сдерживающий эффект для других членов парламента, намеревавшихся выразить свое мнение по вопросам, имевшим общественный интерес. Тем самым парламентское большинство фактически воспрепятствовало проведению открытых дебатов членами оппозиционных парламентских партий.

Власти государства-ответчика придерживались ранее занятой ими позиции, указав, что меры, предпринятые руководством парламента,

соответствовали подзаконным актам, регламентирующим его деятельность и имели своей законной целью обеспечение нормальной работы представительного органа и защиту его достоинства.

По итогам рассмотрения настоящего дела Большой Палатой ЕСПЧ 8 июля 2015 года была отмечена особая важность обеспечения прав и свобод членов национальных и региональных парламентов как ключевых независимых институтов демократического общества свободно высказывать свои мнения по вопросам, связанным с защитой интересов их избирателей. Судом была также принята во внимание непропорционально жесткая реакция спикера и председателей заседаний национального парламента Венгрии на публичные высказывания заявителей как законных представителей системной оппозиции.

Наряду с этим, в постановлении особо акцентируется внимание на том, что публичные высказывания заявителей, в том числе представленные в графическом виде плакатов не содержали каких-либо личных либо противоречащих общественной морали и нравственности оскорблений в отношении парламентского большинства.

С учетом вышеизложенного, Большая Палата ЕСПЧ единогласно признала, что наказания, наложенные в обоих случаях на заявителей национальными органами власти, не были соразмерны их действиям и представляли собой фактическое нарушение прав заявителей, предусмотренных положениями статьи 10 Конвенции.

Суд отклонил требование заявителей о выплате каждому из них компенсации за причиненный моральный вред в размере 20 000 евро. В данном случае Суд счел, что само признание допущенных венгерскими властями нарушений прав заявителей по статье 10 Конвенции является адекватной компенсацией нанесенного им морального ущерба.

Европейский Суд постановил, что власти Венгрии должны выплатить заявителям за понесенные ими совокупные судебные расходы и издержки суммарно 12 000 евро, а также компенсировать им в индивидуальном порядке штрафы в размере от 170 до 600 евро, ранее выплаченные заявителями по соответствующим решениям парламента Венгрии.

ГРУЗИЯ

Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 мая 2015 года по делу № 73235/12 «Идентоба и другие против Грузии» (Identoba and others v. Georgia)

Заявителями по делу являются неправительственная организация по поддержке и защите прав членов ЛГБТ - сообщества Грузии и 14 частных лиц. Данное дело касается проблематики несоблюдения властями государства-ответчика своих позитивных обязательств по обеспечению гарантированных Конвенцией прав заявителей на проведение и участие в мирных собраниях.

Из обстоятельств дела следует, что первым заявителем было запланировано проведение 17 мая 2012 года мирного марша в центре грузинской столицы по случаю Международного дня борьбы с гомофобией.

8 мая 2012 года, организатор публичного мероприятия уведомил мэрию Тбилиси и органы правопорядка о намерении провести демонстрацию в указанный день. Власти были проинформированы о запланированном маршруте марша и о приблизительном количестве участников. Одновременно, предвидя протест со стороны противников ЛГБТ-сообщества в Грузии, а также учитывая общую атмосферу враждебности по отношению к последнему, организация-заявитель потребовала от властей обеспечить достаточную защиту от возможного насилия.

Однако, заблаговременно предупрежденные органы полиции о возможной негативной реакции общественности не сумели предотвратить действия противников ЛГБТ акции, повлекших за собой срыв мероприятия, причинение нравственных страданий, а ряду заявителей – телесных повреждений.

При обращении в ЕСПЧ заявители жаловались на нарушение их прав, гарантированных статьями 3 и 8 Конвенцией, в связи с нападением со стороны противников демонстрантов в ходе проведения публичного мероприятия и отсутствием надлежащего расследования властями государства-ответчика данного инцидента.

В мотивировочной части постановления относительно жалоб первого заявителя на нарушение статей 3 и 8 Конвенции, рассматриваемых отдельно или в совокупности со статьями 13 и 14, Суд заключил, что остается неясным,

выступала ли организация-заявитель непосредственно в защиту своих прав или в защиту прав лиц, участвующих в марше.

Судом установлено, что первый заявитель (неправительственная организация) не может обоснованно жаловаться на основе фактов настоящего дела на то, что явился прямой или косвенной жертвой, по смыслу статьи 34 Конвенции, в нарушение статей 3 и 8 Конвенции, рассматриваемых отдельно или в совокупности со статьями 13 и 14. По этим причинам эта часть жалобы несовместима *ratione personae* с положениями Конвенции по смыслу пункта 3 (а) статьи 35 и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35.

В части, касающейся предполагаемого нарушения статьи 3 в совокупности со статьей 14 Конвенции Суд пришел к выводу о том, что обращение с заявителями должно было неизбежно вызвать у индивидуальных заявителей чувство страха, мучений и незащитности, несовместимое с уважением к их человеческому достоинству и достигающее порога жестокости по смыслу последних. Более того, Европейский Суд установил, что национальные власти не обеспечили адекватной защиты индивидуальным заявителям от мотивированных ненавистью атак частных лиц во время марша, а также не провели должного расследования сообщений тринадцати заявителей о жестоком обращении.

Данные нарушения затронули только 13 заявителей (со 2 по 14), поскольку, по мнению ЕСПЧ пятнадцатый заявитель не представил доказательств свидетельствовавших о том, каким образом атака противников демонстрантов затронула его лично. Более того, он не опроверг возражение государства-ответчика, ставящее под сомнение его участие в публичном мероприятии.

В резолютивной части постановления Европейский Суд констатировал нарушение властями государства-ответчика статьи 3 в совокупности со статьей 14 Конвенции в отношении заявителей №№ 2-14, а также нарушение статьи 11 в совокупности со статьей 14 Конвенции в отношении заявителей №№ 1-14.

В основу принятого по настоящему делу судебного акта, помимо прочего, положены комплексные исследования, проведенные Комиссаром Совета Европы по правам человека и Международной ассоциацией лесбиянок и геев (The international Lesbian and Gay Association), свидетельствующие об отрицательном отношении подавляющей части грузинской общественности

(84%) к нетрадиционным сексуальным меньшинствам и имевших место в разное время различных аспектов нарушений прав последних.

В порядке применения статьи 41 Конвенции, Европейский Суд присудил заявителям от 1 500 до 4 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

Судебный акт вступил в силу 12 августа 2015 года.

ЛИТВА

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 6 января 2011 года по делу № 34932/04 «Паксас против Литвы» (Paksas v. Lithuania)

Постановление по данному делу поднимает проблематику нарушения пассивного избирательного права заявителя (бывшего Президента Республики Литвы) посредством запрета на участие в парламентских выборах.

6 апреля 2004 года президентские полномочия Р. Паксаса были прекращены в результате проведенной национальным парламентом-Сеймом процедуры импичмента в связи с грубым нарушением последним Конституции Литовской Республики. В основу принятого решения было положено заключение Конституционного Суда, в соответствии с которым Р. Паксас, будучи руководителем государства незаконно и в личных интересах предоставил статус литовского гражданина российскому бизнесмену Ж.Б., оказавшему ему финансовую поддержку в ходе предвыборной кампании, разгласил последнему информацию о проводимом в отношении него расследовании литовскими правоохранительными органами и прослушивании спецслужбами его телефонных переговоров, что составляло государственную тайну, а также, осуществленном давлении на частную коммерческую структуру в целях принятия ее руководством решений, выгодных для ближайшего окружения заявителя.

После отстранения от должности Р.Паксас продолжил участие в политике, заявив о своем намерении выдвинуть свою кандидатуру для участия в выборах Президента Литовской Республики, назначенных после проведения процедуры импичмента.

В апреле 2004 года Центральная избирательная комиссия пришла к выводу об отсутствии оснований, препятствующих выдвижению заявителем

своей кандидатуры на президентских выборах, назначенных на 13 июня 2004 года.

Однако уже в мае 2004 года в законодательство о выборах Президента Литовской Республики были внесены изменения, согласно которым отстраненное от должности в результате процедуры импичмента лицо не может быть избрано руководителем государства в течение пяти лет. Основываясь на соответствующих законодательных новеллах ЦИК в конечном итоге отказал в регистрации заявителя в качестве кандидата.

25 мая 2004 года на основании поданного рядом парламентариев ходатайства о проверке соответствия спорных законоположений основному закону страны Конституционный Суд в порядке осуществления абстрактного нормоконтроля постановил, что новые законоположения, предусматривающие запрет на выдвижение кандидатуры для участия в президентских выборах, лицом, ранее нарушившим присягу и отстраненным от соответствующей должности, соответствует Конституции, в то время как определение сроков такого запрета находилось в противоречии с ней.

28 мая 2004 года Высший Административный Суд Литвы отклонил жалобу заявителя об оспаривании отказного решения ЦИК, сославшись на данное постановление Конституционного Суда. В июле 2004 года в законодательство, регулирующее порядок выборов в национальный парламент, были внесены изменения, предусматривающие запрет на выдвижение кандидатуры для участия в выборах в Сейм любым лицом, ранее занимающим государственную должность и отстраненную от нее в результате процедуры импичмента.

В обоснование предполагаемого нарушения властями государства-ответчика положений пункта 3 Протокола № 1 к Конвенции заявитель, в частности, указал, что такое поражение в правах как пожизненный запрет на участие в выборах противоречит самой природе этого демократического института и является явно непропорциональным, принимая во внимание его политический статус и число сторонников среди населения. Изменение электорального законодательства сразу же после его отрешения от должности являлось произвольной мерой, направленной исключительно на его устранение из политической гонки за президентское кресло.

В контексте разрешения вопроса о приемлемости жалобы заявителя Европейский Суд заключил, что статья 3 Протокола № 1 к Конвенции, закрепляющая право на свободные выборы, распространяется лишь на выборы в органы законодательной власти. В приведенных обстоятельствах жалоба заявителя в той части, которая касалась лишения его права баллотироваться на должность главы государства является неприемлемой *ratione materiae* в соответствии с пунктом 3 статьи 35 Конвенции, однако приемлема в части пожизненного лишения права баллотироваться в национальный парламент.

В ходе рассмотрения настоящего дела по существу Европейский Суд, не умаляя серьезности вмененных властями государства-ответчика заявителю в вину действий, связанных с исполнением последним обязанности главы государства и не подвергая сомнению, приведенные основания отрешения Р. Паксаса от должности Президента Литвы, заключил, что имевшее место вмешательство в права заявителя повлекло очень серьезные последствия, поскольку он был не только пожизненно лишен возможности стать членом Сейма, но занимать любую государственную должность, вступление в которую в соответствии с Конституцией требовало принятие присяги.

Данному выводу ЕСПЧ предшествовал сравнительный анализ литовского нормативного правового регулирования данной сферы общественных отношений с законодательством и практикой его применения в других государствах-участниках Конвенции. Положения литовского законодательства о выборах представляли собой исключение, поскольку в большинстве стран-членах Совета Европы имевшая место процедура импичмента в дальнейшем не оказывала прямого влияния на реализацию пассивного избирательного права соответствующим лицом. В ряде случаев наложение допустимых в соответствии с национальными законами ограничений было возможным исключительно на основании судебного решения и только на определенное время.

В мотивировочной части судебного акта Европейский Суд подчеркнул, что при оценке пропорциональности подобной меры особое значение должно быть придано наличию временных ограничений и возможности пересмотра принятого решения. Необходимость обеспечения пересмотра обусловлена возможным изменением в течение времени исторического и политического контекста, в ходе которого такое ограничение было установлено.

Однако, в данном деле лишение пассивного избирательного права носило неограниченный во времени характер, а лежащая в ее основе конституционная норма усиливала коннотацию неизменности, которая не совместима с требованиями Конвенции.

Наряду с этим, Европейский Суд принял во внимание тот специфический исторический контекст, в ходе которого было принято соответствующее законодательство. Данное обстоятельство является дополнительным свидетельством непропорционального характера принятой литовскими властями меры.

По результатам рассмотрения настоящего дела Большой Палатой Европейского Суда (четырнадцатью голосов против трех) было констатировано нарушение Литвой статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции.

Заявитель требовал взыскать с государства-ответчика 50 000 евро компенсации морального вреда. В удовлетворении денежной компенсации в данном деле понесенных заявителем нравственных страданий было отказано. Согласно позиции ЕСПЧ установление нарушения само по себе является справедливой компенсацией за причиненный моральный вред.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 сентября 2007 года по делу № 27527/03 «Л. против Литвы» (L. v. Lithuania)

Проблематика настоящего дела связана с отказом литовских властей исполнить свои позитивные обязательства по обеспечению уважения частной жизни заявителя (девочка, с самого раннего детства, ощущавшая себя принадлежащей к мужскому полу) вследствие отсутствия законодательства, регулирующего условия и порядок полной смены пола. В результате отсутствия всеобъемлющего нормативно-правового регулирования в указанной сфере, заявитель был лишен возможности выполнения полной смены пола хирургическим путем и изменения его гендерной идентификации в официальных документах.

Европейский Суд констатировал нарушение властями Литвы положений статьи 8 Конвенции, поскольку заявитель пребывал в ситуации тревожной неопределенности в отношении своей частной жизни и признания истинной идентичности.

В частности, *de jure* заявитель оказался в промежуточном состоянии перенесшего операцию по частичному изменению пола транссексуала, полное изменение документов которого (включая акты гражданского состояния), оказалось невозможным до принятия законодательных изменений, легитимирующих проведение медицинских операции, направленных на полную смену пола. До проведения соответствующей операции заявитель вынужден был считаться женщиной во многих аспектах личной и общественной жизни.

Согласно позиции Европейского Суда, сформированной в настоящем деле, отсутствие необходимых бюджетных ассигнований в сфере здравоохранения могли первоначально оправдать некоторые задержки в осуществлении прав транссексуалов, предусмотренных Гражданским кодексом, но не задержку на четыре года, в течение которых требуемое законодательство о полной смене пола так и не было принято. Принимая во внимание, что действие последнего распространялось бы на незначительный круг лиц (по неофициальным данным около 50 человек), бюджетные расходы, которые пришлось бы понести государству, не были бы неоправданно велики.

По результатам рассмотрения данного дела Европейский Суд пришел к заключению о том, что государство-ответчик не смогло обеспечить справедливый баланс между интересами общества и правами заявителя.

В порядке применения статьи 41 Конвенции ЕСПЧ также постановил, что литовские власти вправе удовлетворить требование заявителя о возмещении имущественного ущерба посредством принятия соответствующего законодательства в течение трех месяцев с момента вступления в силу настоящего постановления. Если принятие таких законодательных мер окажется невозможным, государство должно выплатить заявителю 40 000 евро в качестве компенсации за материальный ущерб, обеспечивающей возможность прохождения заключительных этапов необходимой ему операции за рубежом.

Судебный акт вступил в силу 31 марта 2008 года.

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 20 октября 2015 года по делу № 35343/05 «Василяускас против Литвы» (Vasiliauskas v. Lithuania)

Заявитель, гражданин Литовской Республики Витаутас Василяускас, 1930 г.р., обратился в Европейский Суд с жалобой на то, что национальные

суды Литвы нарушили его личные права, закрепленные в положениях пункта 1 статьи 7 Конвенции.

В 2001 году Каунасская окружная прокуратура предъявила заявителю обвинение в том, что 2 января 1953 года В. Василяускас, занимавший в тот момент должность оперативного уполномоченного Сакяйского райотдела МГБ Литовской ССР, лично руководил операцией по захвату действовавших в районе активных участников литовской вооруженной оппозиции. В ходе операции при попытке задержания в перестрелке были убиты скрывавшиеся в бункере двое участников местного подполья – братья «Й.А.» и «А.А.».

Органы прокуратуры Литовской Республики расценили действия заявителя как акт геноцида, совершенный в отношении братьев «Й.А.» и «А.А.», которые на момент их гибели являлись участниками организованного движения литовского Сопротивления и принадлежали к политической группе. Эта формулировка явилась основанием для применения к заявителю положения действовавшего в 2001 году Уголовного кодекса Литовской Республики, а именно статьи 49 (неприменимость сроков давности к преступлениям в форме геноцида) и статьи 71 (уголовная ответственность за геноцид как тяжкое преступление в форме физического уничтожения, пыток, нанесения тяжкого телесного либо психического ущерба лицам, относящимся к национальной, этнической, расовой, религиозной, социальной или политической группе).

Данные положения были в 1998 году включены в Уголовный кодекс Литовской Республики на основании того, что они содержались в статье 1 Закона Литовской Республики от 9 апреля 1992 года «Об ответственности за геноцид населения Литвы». Статья 2 указанного закона классифицировала как «преступления геноцида в соответствии с международным правом убийства, пытки и депортации жителей Литвы, совершенные в период оккупации и аннексации страны нацистской Германией и СССР», а статья 3 устанавливала возможность ретроспективного применения указанного закона к лицам, совершившим преступления геноцида, указанные в статьях 1 и 2, до вступления этого закона в силу.

Судебный процесс в отношении заявителя и другой обвиняемой по данному делу, гражданки Литвы «М.З.», сообщившей заявителю в конце 1950 года о точном месте пребывания братьев «Й.А.» и «А.А.», состоялся в Каунасском окружном суде в январе-феврале 2004 года. Суд установил, что оба

обвиняемых 2 января 1953 года участвовали в физическом уничтожении жителей Литвы, которые принадлежали к отдельной политической группе, и участвовали в сопротивлении советским оккупационным властям». Это дало суду основание применить к подсудимым положения статьи 99 («Геноцид») вступившего в силу 1 мая 2003 года УК Литовской Республики, которые фактически воспроизводили цитированные выше положения статьи 71 предыдущей редакции УК Литвы.

Приговором Каунасского окружного суда от 4 февраля 2004 года заявителю было назначено наказание в виде шести лет лишения свободы, а второй подсудимой «М.З.» - пять лет. В обоих случаях суд счел возможным применить к подсудимым отсрочку в исполнении приговора в связи с болезненным состоянием их здоровья.

Представители заявителя обжаловали приговор в суде апелляционной инстанции. В их жалобе было, в частности, указано на то, что положения Закона Литовской Республики от 9 апреля 1992 года «Об ответственности за геноцид населения Литвы», имплементированные в качестве отдельных статей (№№ 71 и 99) в редакции Уголовного кодекса Литвы от 1999 и 2003 годов, допускали расхождения с положениями статьи 2 Конвенции ООН 1948 года «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», определявшими геноцид как «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую».

При этом в Конвенции ООН не упоминались аналогичные действия в отношении социальной либо политической группы, которые также были признаны одной из форм геноцида в вышеуказанном законодательстве Литовской Республики.

В своем определении от 21 сентября 2004 года суд апелляционной инстанции признал законным и обоснованным приговор заявителю, ранее вынесенный судом первой инстанции. Апелляционный суд указал, что «включение в законодательство Литовской Республики дополнительных категорий о геноциде социальных и политических групп было обоснованным и адекватным реальности. При том, что Конвенция ООН 1948 года о геноциде не содержит каких-либо положений, ограничивающих интерпретацию геноцида, его концепция уже истолковывалась в расширенном виде в уголовном

законодательстве других стран. Политические группы состоят из людей, объединенных общими политическими взглядами и убеждениями, и стремление физически искоренить такие группы также является геноцидом, поскольку подразумевает намерение искоренить часть народа. Наряду с тем, что литовские партизаны относились к конкретной политической группе, они также являлись представителями литовской нации, то есть национальной группы – и подвергались советскому геноциду по критериям национально-этнической принадлежности».

Указанное определение апелляционного суда было поддержано решением кассационной инстанции - Верховного Суда Литовской Республики от 22 февраля 2005 года. Наряду с аргументами о законности расширенного толкования положений Конвенции ООН 1948 года о геноциде в национальном законодательстве, Верховный Суд Литвы также указал на то, что в соответствии с Законом от 28 ноября 1996 года «О статусе участников Сопротивления против оккупаций 1940-1996 года», братьям «Й.А.» и «А.А.» по ходатайствам Литовского Центра исследований геноцида и Сопротивления в 1998 и 2001 годах был посмертно присвоен статус «бойцов-добровольцев» как участникам «национального вооруженного Сопротивления 1944-1953 годах против оккупационной армии СССР и структур оккупационного режима в Литве».

Наряду с уголовным преследованием в отношении заявителя и гражданки Литвы «М.З.», в 2004 году дочь убитого в 1953 году «Й.А.» - гражданка Литвы «М.Б.» подала против них гражданский иск с требованием выплаты ей денежной компенсации в размере 200 тысяч литовских лит (около 58 тыс. евро) за моральный ущерб, нанесенный ей гибелью близких родственников, последующим социально-психологическим давлением и невозможностью узнать место захоронения родных от участников их уничтожения – заявителя и «М.З.». Решением от 9 ноября 2006 года Каунасский региональный суд отклонил этот иск, указав, что заявительнице, как и членам семей других пострадавших от оккупаций 1940-1990 годах, в соответствии с Законом от 6 октября 1998 года, власти Литвы ранее выплатили денежную компенсацию в размере 20 тысяч лит.

Определением от 20 июня 2007 года Апелляционный суд отменил предыдущее решение суда первой инстанции и постановил, что оба ответчика,

признанные виновными в совершении акта геноцида, должны были совокупно заплатить заявительнице 150 тысяч литовских лит (около 41 тыс. евро) в качестве компенсации за гибель ее родственников, причинивших ей серьезные страдания и эмоциональную депрессию. В свою очередь, Верховный Суд Литовской Республики 28 февраля 2011 года вынес кассационное постановление, сократив размер совокупных выплат осужденными в пользу «М.З.» до 50 тысяч лит (14,5 тысяч евро).

30 июля 2005 года заявитель обратился в Европейский Суд с жалобой на нарушение национальными судебными органами Литвы его прав, закрепленных в положениях статьи 7 Конвенции – в связи с тем, что при привлечении заявителя к уголовной ответственности и в ходе дальнейших судебных разбирательств по его делу национальные суды применили расширенную интерпретацию преступления геноцида, для которой отсутствовали какие-либо основания в международном законодательстве.

17 сентября 2013 года дело было передано на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда.

11 апреля 2014 года власти Литовской Республики уведомили Европейский Суд о том, что еще в 2011 году группа депутатов литовского Сейма обратилась в Конституционный Суд Литвы с запросом о том, насколько положения указанных выше действующих статей 3 и 99 Уголовного кодекса Литовской Республики, установивших ретроспективную ответственность без срока давности за преступления геноцида, совершенные на территории Литвы, соответствовали положениям Конституции Литвы – ее пункту 4 статьи 31 («Наказание может назначаться и применяться лишь на основании закона») и пункту 3 статьи 138 («Международные договоры, ратифицированные Сеймом Литовской Республики, являются составной частью правовой системы Литовской Республики»). В числе правовых оснований для данного запроса его инициаторы указали дело заявителя.

В определении от 18 марта 2014 года Конституционный Суд Литовской Республики, сославшись на практику Международного Уголовного Трибунала по «бывшей Югославии», а также на постановление Международного Уголовного Суда от 26 февраля 2007 года по делу о применимости Конвенции ООН 1948 года о геноциде к жалобе «*Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории*», признал определенную свободу действий государств при

установлении в национальном законодательстве в увязке с конкретным историческим, политическим, социальным и культурным контекстом, более широкой трактовки определения геноцида, чем это предусмотрено международным законодательством.

Вместе с тем, Конституционный Суд Литовской Республики указал, что, поскольку расширенное по сравнению с положениями Конвенции ООН 1948 года толкование геноцида как преступления против социальных и политических групп было включено в виде поправок в Уголовный кодекс Литвы 21 апреля 1998 года, ретроактивное уголовное преследование подозреваемых в совершении актов геноцида против социальных и политических групп до вступления в силу данного законодательства, явилось бы незаконным по правовым нормам Конституции Литвы.

Руководствуясь этой частью определения Конституционного Суда, генеральный прокурор Литовской Республики 10 апреля 2014 года принял решение рассмотреть возможность дальнейшего обращения с ходатайством в Верховный Суд Литвы о возобновлении судебного разбирательства по делу заявителя по вновь открывшимся обстоятельствам (статья 444 УПК Литвы). Этот запрос послужил для литовских властей формальным основанием обратиться 11 апреля 2014 года в ЕСПЧ с ходатайством о прекращении производства Европейского Суда по данному делу на основании положений части 1 статьи 37 Конвенции в связи с тем обстоятельством, что ситуация по делу заявителя находилась в стадии урегулирования на национальном уровне.

Однако после того как 28 мая 2014 года Генеральный Прокурор Литвы принял постановление о нецелесообразности обращения в Верховный Суд для возобновления судебного разбирательства по делу заявителя в отсутствие каких-либо вновь открывшихся обстоятельств в определении Конституционного Суда по данному делу, Европейский Суд отклонил ходатайство литовских властей и продолжил рассмотрение жалобы.

В постановлении Большой Палаты ЕСПЧ указано, что на момент совершения заявителем в начале 1953 года деяний, ставших поводом для его позднейшего уголовного преследования и осуждения в Литовской Республике, Советский Союз был участником подписанной его представителями 16 декабря 1949 года и вступившей в силу 12 января 1951 года Конвенции ООН 1948 года о геноциде. При этом, в отличие от утвержденного с участием СССР в августе

1945 года в Лондоне Устава Международного Военного Трибунала, Конвенция ООН 1948 года еще на стадии ее проекта не содержала каких-либо упоминаний о подлежащих защите от геноцида социальных и политических группах. Эти формулировки также отсутствовали в принятом в 1998 году Уставе Международного Уголовного Суда.

Признав обоснованность определения Конституционного Суда Литовской Республики от 18 марта 2014 года о возможности расширенного толкования определения геноцида в национальном законодательстве в сравнении с положениями статьи 2 Конвенции ООН 1948 года, поскольку это может быть оправдано положениями статьи 5 Конвенции («Для введения в силу положений настоящей Конвенции договаривающиеся стороны обязуются принять необходимое законодательство, каждая в соответствии со своей конституционной процедурой, и, в частности, предусмотреть эффективные меры наказания лиц, виновных в совершении геноцида»), судьи Большой Палаты ЕСПЧ указали, что базовые положения Конвенции ООН никак не уполномочивают ее страны-члены применять расширенные национальные правовые нормы толкования геноцида в ретроактивном порядке («Скоппола против Италии» (№ 2) (*Scoppola v. Italy*, (№ 2) № 10249/03), «Мактуф и Дамьянович против Боснии и Герцеговины» (*Maktouf & Damjanovic v. Bosnia and Herzegovina* №№ 2312/08 и 34179/08)).

В свете вышеизложенного Большая Палата ЕСПЧ пришла к выводу, что на момент совершения заявителем инкриминируемых ему деяний заявитель не мог предвидеть, что его участие в убийстве партизан будет впоследствии подлежать уголовной ответственности как акт геноцида.

Европейский Суд также признал необоснованными утверждения представителей литовских властей о том, что к заявителю могли быть применены положения пункта 2 статьи 7 Конвенции: «Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами». Руководствуясь формулировкой, ранее озвученной Судом в постановлении по делу «Мактуф и Дамьянович против Боснии и Герцеговины», Суд признал неприемлемым применение принципа ретроактивности и в данном случае.

В приведенных обстоятельствах Большая Палата ЕСПЧ большинством голосов (девять против восьми) признала нарушение статьи 7 Конвенции.

Европейский Суд постановил, что власти Литовской Республики должны выплатить заявителю 10 072 евро в качестве компенсации за материальный ущерб, причиненный ему решением литовских судов, обязавших заявителя выплатить сумму по гражданскому иску родственницы погибших партизан «М.Б.», а также 2 450 евро компенсации за понесенные им судебные расходы и издержки.

Вместе с тем, Большая Палата Европейского Суда отклонила требование заявителя о выплате ему 60 000 евро компенсации морального вреда. В данном случае Суд счел, что с учетом крайне специфичных обстоятельств указанного дела, само признание допущенных литовскими властями нарушений прав заявителя является адекватной компенсацией нанесенного ему морального вреда.

РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА

Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 июня 2012 года по делу № 9106/06 «Гендердок-М. против Республики Молдова» (Genderdoc-M. v. Republic of Moldova)

Заявителем по данному делу является неправительственная молдавская организация – «Гендердок-М», деятельность которой направлена на оказание поддержки и содействия ЛГБТ-сообществу.

В апреле 2005 года организация обратилась в Муниципальный совет города Кишинёва с заявлением о согласовании проведения 27 мая 2005 года демонстрации перед зданием национального парламента в поддержку законодательной инициативы о защите сексуальных меньшинств от дискриминации. За один месяц до заявленной даты Муниципальный совет отклонил заявку на проведение публичного мероприятия на основании того, что закон об охране национальных меньшинств уже принят. Мэрия города Кишинёва также отказала в проведении демонстрации, мотивировав свое решение принятием данного закона, положения которого определяют круг лиц, наделенных правом законодательной инициативы.

Организация-заявитель оспорила в судебном порядке решение мэрии, утверждая, что запрет на проведение демонстрации был незаконным и дискриминационным.

2 июня 2005 года Апелляционный суд города Кишинева, рассмотрев соответствующую жалобу, счел аргументы ответчика юридически необоснованными и объявил решение мэрии недействительным.

В свою очередь, мэрия обжаловала решение Апелляционного суда в Верховный Суд, который по результатам рассмотрения направил дело на новое рассмотрение.

В результате повторного рассмотрения 14 июня 2006 года Апелляционный суд, приняв аргументы мэрии, вынес решение в пользу последней.

Заявитель впоследствии обжаловал данный судебный акт в Верховный Суд, однако решение от 14 июня 2006 года было оставлено в силе. При этом, Верховный Суд установил, что организация-заявитель не смогла гарантировать выполнение следующих обязательств: создание совместно с полицией группы лиц, ответственной за поддержание общественного порядка; разграничение участка демонстрации специальными знаками; выплата требуемых сборов связанных с проведением публичного мероприятия; установка маршрута проведения демонстрации; предоставление полиции беспрепятственного доступа к месту демонстрации; запрет участия определенных лиц.

При обращении в Европейский Суд заявитель жаловался на то, что запрет на проведение демонстрации не был основан на законе, не преследовал законную цель и не был необходим в демократическом обществе.

В своем постановлении Европейский Суд признал нарушение права заявителя на свободу собраний, ввиду наложения запрета на проведение демонстрации в поддержку принятия закона, направленного на защиту сексуальных меньшинств от дискриминации (статья 11 Конвенции); отсутствие эффективного средства правовой защиты в этой связи (статья 13 во взаимосвязи со статьей 11 Конвенции); дискриминацию заявителя (статья 14 во взаимосвязи со статьей 11 Конвенции).

В отношении нарушения статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 11 Конвенции, Суд, изучив обстоятельства настоящего дела, отметил, что молдавское законодательство определяет предельные сроки согласования

проведения публичных мероприятия, а также обжалования в случае оспаривания решений муниципальных органов в отказе в проведении последних.

Положениями законодательства предусмотрена подача организатором проведения собрания соответствующей заявки не позднее 15 дней до предполагаемого мероприятия, в свою очередь, орган местного самоуправления должен предоставить ответ не позднее 5 дней до его начала. В случае отказного решения в проведении предполагаемого мероприятия, организаторы вправе обжаловать данный запрет, а компетентный судебный орган в соответствии с законодательством, должен рассмотреть дело по существу в течение 5 дней.

Согласно позиции ЕСПЧ, остается неопределенность в вопросе о возможности рассмотрении дела по существу до предполагаемой даты проведения мероприятия.

Европейский Суд акцентировал внимание на принятии национальными судами окончательного решения по делу заявителя спустя полтора года после подачи жалобы, несмотря на предусмотренный законодательством 5-дневный срок.

Относительно нарушения статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 11, ЕСПЧ указал, что причиной наложения запрета властями на проведение демонстрации являлась именно пропаганда гомосексуализма, несмотря на то, что разные органы власти, отказывая заявителю в проведении демонстрации, указывали различные причины.

Названным постановлением Европейский Суд присудил организации «Гендердок-М» 806 евро в качестве возмещения материального ущерба, 7 250 евро морального вреда, а также 2 900 евро для компенсации понесенных судебных расходов и издержек.

Судебный акт вступил в силу 12 сентября 2012 года.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 июля 2014 года по делу № 47306/07 «Нинеску против Республики Молдова» (Ninescu v. the Republic of Moldova)

Заявитель, гражданин Республики Молдова Николае Нинеску, жаловался на нарушения молдавскими властями его прав, предусмотренных пунктами 1, 3, и 4 статьи 5 Конвенции, в связи с якобы неправомерно избранной к

заявителю, имевшему ряд серьезных заболеваний, меры пресечения в виде его досудебного содержания под стражей, её продолжительности, а также не оказанию заявителю надлежащей медицинской помощи в период его содержания в СИЗО.

В мае 2006 года гражданин Республики Молдова «С.Ф.» обратился в Генеральную Прокуратуру с жалобой на незаконное исключение из числа акционеров зарегистрированной в Молдове строительной компании «Tenadria», учредителями которой являлись граждане Германии, а заявитель — их представителем в Молдове.

В ходе проверки этой жалобы сотрудники Центра по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией к июню 2007 года собрали ряд доказательств, указывавших на то, что заявитель сфальсифицировал некоторые документы акционерной компании. Затем он мотивировал этими документами исковое заявление в районный суд города Бэлць о передаче части активов компании одному из ее соучредителей в Германии. Этот иск был удовлетворен, что нанесло другим акционерам ущерб на сумму порядка 1,2 млн. евро.

На основании материалов проверки в мае 2007 года в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело по статье 195 УК Республики Молдова («Хищения в крупных и особо крупных размерах»). Впоследствии 19 июня 2007 года заявитель был задержан в качестве обвиняемого, а 22 июня 2007 года Буюканский районный суд города Кишинева по ходатайству прокуратуры избрал к заявителю меру пресечения в виде содержания под стражей. Заявитель обжаловал это постановление в Кишиневский городской суд, мотивируя свою жалобу тем, что прокуратура в своем ходатайстве не указала каких-либо надлежащих оснований необходимости его содержания под стражей. Однако, Кишиневский городской суд отклонил поданные жалобы заявителя.

Впоследствии Буюканский районный суд Кишинева по ходатайству прокуратуры продлевал содержание заявителя под стражей решениями от 18 июля, 8 и 28 августа, 23 ноября и 20 декабря 2007 года. Заявитель безуспешно обжаловал их в Кишиневском городском суде, который лишь 29 декабря 2007 года вынес судебный акт об изменении избранной к заявителю меры пресечения на подписку о невыезде.

Согласно справкам, представленным районной клинической больницей

города Балта, заявитель менее чем за месяц до его взятия под стражу был госпитализирован для лечения таких имеющихся у него хронических болезней, как цирроз печени, панкреатит и диабет. После выписки из больницы заявителю необходимо было регулярно принимать определенные виды лекарств, доступа к которым он якобы был лишен в период содержания под стражей в изоляторе временного содержания Центра по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией с 19 июня по 24 июля 2007 года. Заявитель счел это основанием для жалобы о якобы допущенном в отношении него нарушении статьи 3 Конвенции.

Однако Европейский Суд в своем постановлении не усмотрел такого нарушения, поскольку представленные молдавскими властями материалы свидетельствовали, что в период пребывания в изоляторе временного содержания заявитель получал от врачебного персонала учреждения необходимые ему лекарства и медицинскую помощь.

ЕСПЧ также не усмотрел каких-либо оснований того, что в отношении заявителя были нарушены положения пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции.

Вместе с тем, Европейский Суд счел, что при вынесении решений об избрании и последующем продлении в отношении заявителя такой меры пресечения, как содержание под стражей, ни органы прокуратуры, ни судебные органы Республики Молдова не привели каких-либо «надлежащих и достаточных оснований» для этого. В этой связи Суд признал факт нарушения права заявителя на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренного положениями пункта 3 статьи 5 Конвенции.

В данном постановлении Европейский Суд присудил заявителю 2 000 евро в качестве компенсации морального вреда и 2 000 евро в части понесенных судебных расходов.

Судебный акт вступил в силу 15 октября 2014 года.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 июля 2014 года по делу № 3473/06 «Ткач против Республики Молдова» (Tcaci v. the Republic of Moldova)

Заявитель, гражданин Республики Молдова Максим Ткач отбывающий пожизненное заключение в тюрьме города Резина, жаловался на нарушения

молдавскими властями его прав, предусмотренных статьями 3 и 6 Конвенции, в связи с жестоким обращением с заявителем со стороны сотрудников полиции Молдовы после его задержания, отсутствием какого-либо надлежащего расследования по соответствующим жалобам заявителя в органы прокурорского надзора и судебные органы Республики Молдова, а также в связи с тем, что в ходе судебного разбирательства по делу заявителя использовались его признательные показания, полученные под пытками.

30 марта 2005 года заявитель и его подельник Петр Бадичко были арестованы сотрудниками полиции за совершение ряда преступлений, включая хищение боевого оружия из тира города Кишинева, убийство сотрудника полиции при попытке задержать их и покушение на жизнь двоих сотрудников полиции при повторной попытке задержания. В тот же день они были помещены в изолятор временного содержания при Главном управлении полиции города Кишинева, где содержались под стражей до 18 мая 2005 года, когда их перевели в следственный изолятор.

8 декабря 2005 года Кишиневский городской суд признал заявителя и его подельника виновными в организации банды, совершении ряда краж и хищения оружия, убийстве сотрудника полиции – и приговорил их обоих к пожизненному заключению. Заявитель обжаловал приговор в Верховный Суд Республики Молдова, который оставил его без изменения постановлением от 25 апреля 2006 года. При этом Верховный Суд оставил без рассмотрения, признав необоснованной, жалобу заявителя на жестокое обращение с ним со стороны сотрудников полиции города Кишинева в первые дни после ареста заявителя, когда тот якобы в результате пыток был принужден сделать признательные показания о совершении им ряда преступлений.

Наряду с указанной жалобой заявителя в Верховный Суд, мать заявителя 14 апреля и 6 мая 2005 года обращалась в Генеральную Прокуратуру Республики Молдова с жалобами на жестокое обращение со стороны сотрудников полиции, которому подвергся ее сын, находясь под стражей в полицейском ИВС. Единственной реакцией со стороны прокуратуры на эти жалобы стал перевод заявителя 18 мая 2005 года в следственный изолятор.

10 апреля 2006 года, накануне вступления в силу окончательного приговора по уголовному делу в отношении заявителя и его подельника, прокуратура Кишинева начала проверку поступивших туда жалоб матери и

адвоката заявителя о якобы имевшем место жестоким обращении с ним в период содержания заявителя под стражей в полицейском ИВС в апреле-мае 2005 года. Сотрудники полиции якобы систематически избивали заявителя по голове и ногам, а также вводили ему бутылку в анальное отверстие. Начатая по жалобе прокурорская проверка неоднократно прекращалась за отсутствием состава преступления в действиях сотрудников полиции Кишинева в отношении заявителя — и вновь возобновлялась по решению старших должностных лиц прокуратуры. По их указанию в апреле 2007 года была проведена медицинская экспертиза заявителя, установившая наличие у него хронических артроза и повреждения коленных связок на обеих ногах.

После того, как органы прокуратуры Молдовы в очередной раз прекратили проверку жалобы заявителя в апреле 2007 года, заявитель обжаловал это решение в районном суде, постановившим 6 июля 2007 года возвратить материалы проверки в прокуратуру для проведения дополнительных процессуальных действий. В дальнейшем прокурорские проверки по существу исходной жалобы заявителя неоднократно возобновлялись, прекращались и вновь возобновлялись на основании распоряжений Генеральной Прокуратуры и решений судебных органов Республики Молдова в течение ряда лет — и окончательно завершились без какого-либо удовлетворения жалобы заявителя лишь в июле 2012 года.

Рассмотрев доказательства, представленные сторонами, Европейский Суд отметил, что в ходе всех вышеуказанных проверочных мероприятий по жалобе заявителя молдавские власти так и не дали какого-либо удовлетворительного объяснения причине травмы, нанесенной заявителю, в результате которой подвижность его правого колена стала серьезно ограничена. В этой связи ЕСПЧ признал нарушение прав заявителя на защиту от жестокого обращения с ним, предусмотренных статьей 3 Конвенции.

Вместе с тем, Европейский Суд не усмотрел нарушений права заявителя на справедливое судебное разбирательство, предусмотренного статьей 6 Конвенции. В частности, безотносительно к жалобе заявителя на то, что его признательные показания были получены сотрудниками полиции Кишинева после применения к заявителю физических пыток, заявитель впоследствии подтвердил все эти показания на следствии в присутствии адвоката, а также в ходе судебных слушаний в Кишиневском городском суде и в Верховном Суде

Республики Молдова.

В порядке применения статьи 41 Европейский Суд с учетом своей прецедентной практики присудил заявителю денежную компенсацию в размере 9 000 евро за нанесенный ему моральный вред, и 1 170 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек.

Постановление вступило в силу 15 октября 2014 года.

НИДЕРЛАНДЫ

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 20 ноября 2014 года по делу № 47708/08 «Джалуд против Нидерландов» (Jaloud v. Netherlands)

Заявитель, Сабах Джалуд, является гражданином Ирака, и отцом Ажара Сабаха Джалуда, который скончался 21 апреля 2004 года от огнестрельных ранений, полученных в ходе инцидента с участием военных Королевской армии Нидерландов в Ираке.

После вторжения в Ирак в марте 2003 года коалицией вооруженных сил во главе с Соединенными Штатами Америки правительство Нидерландов предоставило свои войска Стабилизационным Силам в Ираке (SFIR). С июля 2003 года по март 2005 года войска Нидерландов находились в провинции Аль-Мутанна в юго-восточном Ираке в составе многонационального подразделения Юго-Восток, который находился под командованием офицера вооруженных сил Соединенного Королевства. Участие Нидерландов регулировалось меморандумом о взаимопонимании между Соединенным Королевством и Нидерландами, к которому прилагались Правила участия в военных действиях. Оба документа были отнесены к конфиденциальным.

21 апреля 2004 года на контрольно-пропускном пункте транспортных средств, расположенный на главном маршруте к северу от города Румайта (в провинции Аль-Мутанна), находились представители иракского корпуса гражданской обороны, к которым присоединился патруль нидерландских солдат. Примерно через 15 минут после их прибытия, к контрольно-пропускному пункту на большой скорости приблизился черный автомобиль марки «Mercedes». Он сбил ограждение, и продолжил движение, однако лейтенант А., произвел по автомобилю 28 выстрелов из автомата марки

«Дъемако С7А1»; выстрелы также могли быть произведены одним или несколькими представителями иракского корпуса с использованием автомата «Калашникова АК-47». Далее водитель остановил машину, в которой на сидении переднего пассажира находился Ажар Сабах Джалуд, с огнестрельными ранениями. Голландские солдаты достали его из машины для оказания первой медицинской помощи, однако около часа после инцидента он скончался.

После проведения расследования Королевской военной полиции (подразделения нидерландских вооруженных сил) военный прокурор заключил, что в сына заявителя, по-видимому, выстрелили иракской пулей и что нидерландский военнослужащий действовал в порядке самообороны. В связи с этим расследование было прекращено. В дальнейшем данное заключение было признано законным и обоснованным военным судом, которым было установлено, что военнослужащий отреагировал на огонь, ошибочно приняв его за огонь со стороны автомобиля. При таких обстоятельствах он действовал в рамках инструкций, и постановление в отказе от расследования являлось обоснованным.

Заявитель направил жалобу в Европейский Суд в соответствии со статьей 2 Конвенции, в связи с непроведением эффективного и независимого расследования обстоятельств смерти его сына. 9 июля 2013 года Палата Европейского Суда уступила юрисдикцию в пользу Большой Палаты.

Большая Палата Европейского Суда единогласно постановила, что имело место нарушение процессуального аспекта статьи 2 Конвенции в связи с неспособностью властей Нидерландов провести эффективное расследование смерти сына заявителя. ЕСПЧ установил, что жалоба о расследовании инцидента, произошедшего в районе под командованием офицера вооруженных сил Соединенного Королевства, подпадает под юрисдикцию Нидерландов по смыслу статьи 1 Конвенции, связи с тем, что сторона-ответчик осуществляла свою «юрисдикцию» в рамках своей миссии для установления контроля над лицами, проходящими через контрольно-пропускной пункт.

Суд пришел к выводу, что расследование характеризовалось серьезными недостатками, которые сделали его неэффективным.

В частности, записи основных свидетельских показаний не были представлены в судебные органы; не было принято никаких мер

предосторожности препятствовавших сговору заинтересованных лиц, прежде чем допросить офицера армии Нидерландов, который выстрелил в машину, перевозящую жертву; вскрытие тела жертвы было неадекватным; важное вещественное доказательство - фрагменты пули, взятые из тела, были утрачены при неизвестных обстоятельствах.

В рамках применения статьи 41 Суд взыскал в пользу заявителя 25 000 евро в качестве компенсации морального вреда и 1 372,06 евро в качестве возмещения понесенных судебных расходов и издержек.

НОРВЕГИЯ

Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2014 года по делу № 32504/11 «Каплан и другие против Норвегии» (Kaplan and others v. Norway)

В данном деле Европейский Суд признал нарушение статьи 8 Конвенции в связи выдворением г-на Камрана, гражданина Турецкой Республики курдского происхождения, из Норвегии в Турцию с последующим пятилетним запретом на въезд в страну пребывания, несмотря на то, что супруга заявителя и трое их детей остались проживать в Норвегии на законном основании.

Заявителями по жалобе в Европейский Суд выступили г-н Камран, его супруга Н. Каплан и их трое несовершеннолетних детей.

В качестве оснований принятого решения иммиграционных властей о высылке первого заявителя за пределы территории Норвегии, поддержанных впоследствии решениями национальных судов, были использованы установленные в законном порядке факты серьезных нарушений последним миграционного законодательства, включая чрезмерно длительное незаконное пребывание на территории государства-ответчика, ряд преступлений незначительной тяжести и административных правонарушений.

В ходе рассмотрения настоящего дела Европейским Судом отмечено, что Конвенция не содержит гарантий, позволяющих иностранным гражданам выбирать страну проживания. ЕСПЧ признает широкие дискреционные полномочия Высоких Договаривающихся Сторон в вопросе регламентации миграционных процессов, включая установление оснований ограничений на

въезд и выдворение за пределы собственной территории лиц в соответствии с собственным законодательством.

В данном контексте в мотивировочной части судебного акта, в частности, отмечается, что оценка, данная национальными иммиграционными властями и судебными инстанциями характеру допущенных заявителем правонарушений, приведших к решению о выдворении заявителя-отца, не оспаривается Европейским Судом.

Вместе с тем, когда иммиграционная проблематика неразрывно связана с вопросами совместного проживания семьи, включая необходимость обеспечения высших интересов ребенка, обязанность национальных властей обеспечить членам семьи такую возможность может вытекать из обстоятельств конкретного дела.

Однако, в данном случае государством-ответчиком не было принято во внимание, что страдающий хронической формой детского аутизма младший ребенок в семье нуждался в постоянном уходе и был очень привязан к отцу. Длительная разлука с ним могла неблагоприятно сказаться на его развитии.

Признав отмеченные обстоятельства в качестве исключительных, Европейский Суд пришел к выводу, что выдворение отца-заявителя с последующим запретом на въезд в страну, влечет серьезные негативные последствия для интересов ребенка.

Наряду с этим, Судом был принят во внимание длительный период бездействия властей, в течение которого ими не было вынесено предварительное предупреждение заявителю, а затем само постановление о его высылке.

Европейский Суд согласился с размером требуемой заявителями суммы компенсации морального вреда и присудил в пользу последних 12 000 евро.

Однако, ЕСПЧ не установил наличие причинно-следственной связи между обращенным к Суду требованием заявителей о присуждении 51 000 евро имущественного ущерба и констатированным нарушением властями государства-ответчика положений Конвенции по данному делу.

Настоящее постановление вступило в силу 24 октября 2010 года.

ПОЛЬША

Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2014 года по делу № 28761/11 «Аль Нашири против Польши» (Al Nashiri v. Poland)

Постановление по данному делу поднимает проблематику соучастия польских властей в проводимых спецслужбами Соединенных Штатов Америки секретных операций (включая размещение на территории Республики Польша секретной тюрьмы Центрального разведывательного управления), в ходе которых были допущены беспрецедентные нарушения прав человека.

Заявитель по жалобе – подданный Саудовской Аравии йеменского происхождения Абд Аль Рахим Хусейн Муххамад Аль-Нашири жаловался на нарушение государством-ответчиком следующих положений Конвенции:

- статей 3, 5 и 8 в связи с тем, что Польша позволила ЦРУ содержать его под стражей в тюрьме Старе Кейкуты, тем самым позволив ЦРУ подвергнуть его обращению, которое представляло собой пытку, содержанию под стражей в изоляции и лишению его любых контактов с семьей;

- статей 2 и 3 Конвенции, статьи 1 Протокола № 6 к Конвенции, а также статей 5 и 6 Конвенции в связи с тем, что Польша позволила американским спецслужбам осуществить его перемещение из Польши в другие тюрьмы, находящиеся в ведении ЦРУ, несмотря на реальный риск того, что он мог стать жертвой дальнейших пыток, жестокого обращения, содержания под стражей в изоляции, смертной казни и явно несправедливого судебного разбирательства;

- статей 3 и 13 Конвенции в связи с тем, что польские власти не осуществили проведение эффективного и тщательного расследования по его жалобам об имевших место серьезных нарушениях прав заявителя, гарантированных Конвенцией, в ходе содержания последнего под стражей на территории Польши.

Из обстоятельств данного дела следует, что 12 октября 2000 года террорист-смертник совершил нападение на ракетный эсминец ВМФ США «USS Cole» в Адене (Йемен) во время остановки военного судна в порту для пополнения запасов топлива. Корабль был атакован небольшой заминированной лодкой. В результате имевшего места взрыва 17 американских

военных моряков погибли и еще 40 человек получили ранения различной степени тяжести.

Власти США рассматривали Аль Нашири в качестве одного из лидеров «Аль-Каиды» и подозревали его в организации данного террористического акта.

6 октября 2002 года французский нефтяной танкер «MV Limburg» был атакован в Аденском заливе заминированной лодкой, которая взорвалась. Характер совершенного теракта напоминал самоубийственное нападение на «USS Cole», описанное выше. Власти США заподозрили, что заявитель принимал участие также и в этом теракте.

После известных событий 11 сентября 2001 года США приступили к использованию специальной программы допросов задержанных по подозрению в совершении террористических актов лиц. Уже 17 сентября 2001 года Президентом Д. Бушем было подписано секретное распоряжение о наделении ЦРУ расширенными полномочиями в контексте проведения секретных операций, связанных с задержанием подозреваемых в терроризме и созданием за пределами США секретных тюрем при сотрудничестве с правительствами соответствующих государств.

В дальнейшем ЦРУ была разработана и утверждена Программа «Особо важные задержанные», касающаяся применения специальных правил в отношении содержания под стражей и допросу подозреваемых в совершении террористических актов лиц в секретных тюрьмах, расположенных за пределами территории США.

В конце октября 2002 года заявитель был захвачен в Дубае (ОАЭ) и уже в ноябре 2002 года передан в руки ЦРУ.

Впоследствии он содержался на «черных площадках» в Афганистане и Тайланде, откуда на зафрахтованном ЦРУ самолете в декабре 2002 года был переправлен на военную базу в Шиманах (Польша), а затем на автомобиле польских властей доставлен в Старе Кейкуты. Из материалов данного дела следует, что пребывание заявителя по настоящему делу не было отражено ни в каких документах польской пограничной службы. 6 июня 2003 года Аль Нашири был вывезен за пределы территории Польши на транспортном борту ЦРУ с целью его размещения в подобных центрах американских спецслужб за пределами территории польского государства.

В 2006 году президент Д. Буш публично признал, что 14 «особо важных задержанных», включая заявителя, были переведены из одноименной Программы, курируемой ЦРУ, в распоряжение министерства обороны и перемещены в тюрьму для интернированных лиц на военно-морской базе США в Гуантанамо.

В марте 2009 следственным комитетом Сената США была инициирована проверка деятельности ЦРУ в рамках Программы ОВЗ, включая тайное содержание под стражей на иностранных «черных площадках» ЦРУ и использование расширенных методов допроса. По результатам проведенной работы руководством соответствующего комитета было признано, что *«создание долгосрочных, секретных «черных площадок» и использование так называемых «расширенных методов допроса» было ужасной ошибкой.*

Наряду с этим, одиозные нарушения прав человека в ходе реализации соответствующей программы ЦРУ стали предметом пристального внимания со стороны Европейского Парламента и Парламентской Ассамблеи Совета Европы, проводивших независимые расследования по фактам предполагаемого использования ЦРУ европейских государств для перевозки и незаконного содержания подозреваемых в совершении террористической деятельности заключенных.

В ходе рассмотрения жалобы Европейский Суд указал, что трудности в сборе и представлении доказательств в данном деле, вызванные ограниченными контактами заявителя с внешним миром и чрезвычайной секретностью, окружающей специальные операции ЦРУ операции, усугубляются отказом польского правительства сотрудничать с ЕСПЧ в процессе судебного разбирательства.

Исследовав и оценив имеющиеся в деле доказательства, включая различные доклады международных организаций и институтов прав человека, Европейский Суд посчитал установленным, что к заявителю в ходе нахождения в тюрьме Старе Кейкуты применялись «расширенные» и «несанкционированные» методы допроса, включая имитацию казни с использованием пистолета и дрели, угрозы, нанесение порезов и ссадин, постановки в потенциально вредные неудобные позы и др.

Параграф 441 постановления содержит выводы Европейского Суда относительно предполагаемой осведомленности государства-ответчика о

Программе ЦРУ «Об особо важных заключенных» и его участия в этой программе. «Невозможно представить, что транспортный самолет мог пересечь воздушное пространство Польши, приземлиться в польском аэропорту и вылететь из него, или что ЦРУ могло захватить базу в Старе Кейкуты и перевозить туда задержанных, без ведома польских властей и без их участия в подготовке и реализации Программы ОВЗ на своей территории. Также исключено, что деятельность такого характера и масштаба, имевшая, возможно, жизненно важное значение для военно-политических интересов страны, могла вестись на территории Польши без ведома властей и без получения необходимых разрешений на соответствующем государственном уровне».

ЕСПЧ признал нарушение польскими властями статьи 3 Конвенции (материально-правовой и процессуальный аспекты). В обоснование констатации нарушения основного аспекта данной статьи ЕСПЧ указал, что участие государства-ответчика в Программе ОВЗ ЦРУ позволило властям США подвергнуть заявителя пыткам и жестокому обращению в Польше и в дальнейшем перевезти его с территории последней, несмотря на существование реального риска того, что он будет подвергнут обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

В данном контексте, основываясь на конкретных обстоятельствах дела, ЕСПЧ особо подчеркивается, что государство – ответчик не предприняло никаких попыток, направленных на предотвращение отмеченной ситуации.

Согласно сформированной Судом позиции нежелание польских властей проводить расследование по факту предполагаемого существования секретной тюрьмы ЦРУ, невзирая на то, что сведения о пытках и жестоком обращении с лицами, подозреваемыми в осуществлении террористической деятельности были доступна широкой общественности уже в 2002-2003 годах, может свидетельствовать о необходимости сохранения в тайне соответствующей информации исключительно в интересах спецслужб двух стран.

Судом констатировано также нарушение статьи 5 Конвенции в связи с тайным содержанием заявителя под стражей на территории государства-ответчика и тем фактом, что польские власти позволил властям США перевести заявителя с его территории, несмотря на существование реального риска, что он будет подвергнут дальнейшему противоправному содержанию под стражей.

При этом в пункте 529 постановления ЕСПЧ акцентировал внимание на том, что «хотя расследование террористических преступлений, несомненно, ставит перед властями особые проблемы, это не означает, что власти, если они предполагают, что имело место террористическое преступление, имеют карт-бланш в отношении статьи 5, то есть могут задерживать подозреваемых и содержать их под стражей без эффективного контроля со стороны национальных судов».

Принимая во внимание подходы, сформированные в обоснование констатации нарушений положений 3 и 5 Конвенции в отношении перевозки и содержания под стражей, вмешательство в права заявителя на уважение его личной и семейной жизни не было основано на законе и повлекли нарушение положений статьи 8 Конвенции.

В связи с заключением Суда об отсутствии в национальной правовой системе государства-ответчика эффективных средств правовой защиты в отношении жалоб заявителя о жестоком обращении, последним также констатировано нарушение статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции.

В заключение Судом констатировано нарушение властями Польши статей 2 и 3 Конвенции в совокупности со статьей 1 Протокола № 6 к Конвенции в связи с перемещением заявителя с территории государства-ответчика в США, несмотря на существование реальной опасности, что он будет подвергнут смертной казни и пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с возможным вопиющим отказом в правосудии.

Согласно позиции ЕСПЧ перемещение заявителя под юрисдикцию США порождает серьезный и предсказуемый риск того, что он может быть подвергнут смертной казни после судебного разбирательства в военной комиссии, которая не в состоянии обеспечить гарантий беспристрастности и независимости, как это требуется от «суда» в соответствии с прецедентным правом Суда и допускающие использование доказательств, полученных под пытками в судебных процессах против лиц, подозреваемых в терроризме.

По результатам рассмотрения данного дела Европейский Суд присудил в пользу заявителя 100 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

Судебный акт вступил в силу 16 февраля 2015 года.

«Пилотное» постановление Европейского Суда по правам человека от 7 июля 2015 года по делу № 72287/10 «Рутковский и другие против Польши» (Rutkowski and others v. Poland)

Заявителями по данному делу выступили трое граждан Польши - Виеслав Рутковский, Мариуш Орликовский и Александра Грабовская, проживающие, соответственно, в Варшаве, Лодзи и Познани. Независимо друг от друга они обратились в ЕСПЧ с жалобами на якобы допущенную национальными судами Республики Польша необоснованную длительность судебных разбирательств, в нарушение положений пункта 1 статьи 6 Конвенции. Заявители также жаловались на отсутствие у них эффективных средств национальной правовой защиты, предусмотренных статьей 13 Конвенции, в связи с отказом национальных судебных органов признать факты неоправданно длительных судебных разбирательств и принять решения о справедливых компенсациях для заявителей.

Первый из заявителей, сотрудник польской полиции Виеслав Рутковский, в сентябре 2002 года был взят под стражу как подозреваемый в участии в организованной преступной группе, актах коррупции и превышения полномочий. Постановлением районного суда Варшавы от 14 мая 2003 года уголовное дело в отношении заявителя было выделено в отдельное производство, и к нему была применена мера пресечения, не связанная с содержанием под стражей. В течение 2005 - 2006 годов два районных суда города Варшавы не могли решить вопрос по подсудности при рассмотрении дела. В итоге 21 сентября 2006 года разбирательство по делу заявителя было начато Мокотовским районным судом Варшавы и продолжалось со значительными перерывами до вынесения 21 июля 2010 года оправдательного приговора.

16 апреля 2010 года заявитель обратился в Варшавский окружной суд с жалобой на допущенные судом первой инстанции нарушения его прав. Основываясь на положениях закона Республики Польша от 17 июня 2004 года о национальных компенсациях за нарушение права на судебное разбирательство в разумные сроки («Акт 2004 года» в редакции 2009 года, распространяющей эти компенсации на чрезмерно продолжительное досудебное следствие), заявитель потребовал выплатить ему компенсацию в

размере 5 000 евро. Постановлением от 1 июня 2010 года Варшавский окружной суд признал факт нарушения прав заявителя в период с момента вступления в силу «Акта 2004 года» 17 сентября 2004 года до 18 ноября 2005 года, когда дело заявителя было принято к рассмотрению Мокотовским районным судом, и удовлетворил его требования по компенсации в размере 500 евро.

Предметами жалоб второго и третьего заявителей в ЕСПЧ явились необоснованно длительные рассмотрения судами Польши их гражданских дел. Так, жалоба М. Орликовского на нарушение его арендодателем условий договора аренды коммерческой недвижимости была подана в Лодзинский районный суд 8 сентября 1998 года. Первое судебное слушание по жалобе состоялось 20 сентября 1999 года, второе - 9 ноября 2000 года. Решением суда от 30 ноября 2001 года иск заявителя был отклонен за необоснованностью.

В сентябре 2002 года заявитель добился отмены этого решения Апелляционным судом города Лодзи, направившим дело на повторное рассмотрение в районный суд. Впоследствии суды первой и второй инстанции неоднократно выносили решения по делу, которые обжаловались представителями сторон и являлись поводом для продолжения судебных разбирательств. Окончательное решение по делу вынес 19 ноября 2010 года Апелляционный суд города Лодзи, частично удовлетворивший иск заявителя и обязавший сторону-ответчика выплатить ему компенсацию в размере 13 000 евро.

4 мая 2010 года заявитель обратился в Апелляционный суд города Лодзи с жалобой на чрезмерную продолжительность судебного разбирательства его дела. Ссылаясь на положения действующего «Акта 2004 года», заявитель потребовал выплатить ему компенсацию в размере 2 500 евро. Решением от 2 июня 2010 года Апелляционный суд города Лодзи оставил эту жалобу без удовлетворения, мотивировав продолжительность судебного разбирательства фактической сложностью дела и необходимостью участия в судебных слушаниях ряда экспертов в сфере строительства, бухгалтерского учета и эксплуатации жилищно-коммунальных систем.

Третья заявительница 15 декабря 1999 года обратилась в Гдынский районный суд с иском об определении ее имущественных прав на долю в открывшемся наследстве. Решение суда первой инстанции об определении

прав заявительницы и четырех других наследников было принято 19 апреля 2006 года, и отменено в апелляционном порядке решением Гданьского окружного суда от 18 октября 2007 года. Дальнейшее судебное разбирательство, в которое в ноябре 2012 года вступила стороной Гданьская судебная палата, продолжалась до вынесения судом апелляционной инстанции окончательного решения 18 июня 2013 года.

15 декабря 2010 года заявительница обратилась в Гданьский окружной суд с жалобой на чрезмерную продолжительность судебного разбирательства ее дела. Ссылаясь на положения действующего «Акта 2004 года», заявительница потребовала выплатить ей компенсацию в размере 5 000 евро. Решением от 31 января 2011 года суд оставил эту жалобу без удовлетворения, указав на продолжительность судебного разбирательства как объективную необходимость обеспечить надлежащее участие и представительство интересов всех сторон процесса.

В своем постановлении от 7 июля 2015 года Европейский Суд признал нарушения прав всех троих заявителей на проведение судебных разбирательств с их участием в разумный срок, гарантированный положениями пункта 1 статьи 6 Конвенции. Суд также указал, что национальный «Акт 2004 года», который в ряде предыдущих решений ЕСПЧ был признан «эффективным средством национальной правовой защиты» по смыслу положений статьи 13 Конвенции («Чаржинский против Польши» (*Charzynski v. Poland № 15212/03*), «Ратайчук против Польши» (*Ratajczyk v. Poland, № 11215/02*), «Красуский против Польши» (*Krasuski v. Poland № 61444/00*)), применительно к ситуации заявителей утратил свое влияние.

В постановлении Европейского Суда отмечено, что при рассмотрении жалоб на чрезмерную продолжительность судебных разбирательств национальные суды Польши придерживаются общего принципа «фрагментации судебных разбирательств». При оценке их длительности обычно принимается во внимание лишь период после вступления в силу «Акта 2014 года» и только в отношении продолжительности разбирательства в той судебной инстанции, в которой то или иное дело находилось на рассмотрении в момент подачи соответствующей жалобы заявителя. В этой связи Европейский Суд также признал в этом деле нарушение статьи 13 Конвенции.

Руководствуясь положениями статьи 46 Конвенции, Суд признал в

данном деле целесообразным применить процедуру «пилотного постановления», поскольку обстоятельства дел заявителей обнажили наличие структурной проблемы толкования и исполнения судами Польши действующего национального законодательства. На момент рассмотрения данного дела, в ЕСПЧ находилось порядка 650 аналогичных жалоб, а еще 300 постановлений Европейского Суда, уже принятых по аналогичным делам, являлись предметом надзора КМСЕ за их исполнением. Европейский Суд указал на необходимость принятия властями Польши комплексных законодательных и административных мер общего характера по устранению существующих предпосылок к продолжающимся массовым нарушениям.

ЕСПЧ решил, что все аналогичные жалобы, уже находящиеся на рассмотрении Суда, должны быть коммуницированы польским властям с тем, чтобы последние в двухлетний срок с момента вступления в законную силу данного решения могли бы прийти к мировым соглашениям с заявителями либо иным путем урегулировать их жалобы. В отношении дальнейших жалоб, которые могут быть представлены в Суд в результате вынесения данного постановления, ЕСПЧ решил отложить их рассмотрение на один год с момента их подачи с тем, чтобы дать польским властям в этот период принять меры общего характера в соответствии с данным решением.

Европейский Суд присудил первому из заявителей 9 200 евро в качестве компенсации морального вреда и 750 евро за понесенные судебные расходы и издержки, второму заявителю – 8 800 евро компенсации морального вреда и 750 евро за судебные расходы и, наконец, третьей заявительнице – 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда и 180 евро за судебные расходы.

Судебный акт вступил в силу 7 октября 2015 года.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 июня 2015 года по делу № 57722/12 «Грабовский против Польши» (Grabowski v. Poland)

Заявитель, гражданин Польши Максимилиан Грабовский, 1995 г.р., проживающий в городе Краков, ссылаясь на пункты 1 и 4 статьи 5 Конвенции, жаловался на незаконность его содержания в приюте для несовершеннолетних после 7 августа 2012 года, а также на отсутствие доступа к суду в целях обжалования данного решения польских властей.

17-летний заявитель был арестован 7 мая 2012 года в городе Краков по подозрению в совершении нескольких разбойных нападений. Изначально он был помещен в полицейский приемник-распределитель для несовершеннолетних (возраст совершеннолетия в Польше, как и в большинстве стран Евросоюза, наступает в 18 лет). В тот же день районный суд вынес постановление об избрании к заявителю меры пресечения в виде содержания под стражей в специализированном Центре содержания несовершеннолетних правонарушителей сроком на 3 месяца. Суд обосновал это реальной вероятностью того, что, оставаясь на свободе, заявитель продолжил бы преступную деятельность, либо попытался бы скрыться, либо угрожать свидетелям. Заявитель обжаловал это постановление, указав, что содержание под стражей могло нанести вред его здоровью в связи с тем, что ранее он имел проблемы с психикой и в силу этого учился во вспомогательной школе.

Постановлением от 10 июля 2012 года окружной суд города Кракова оставил без изменения решение районного суда, указав на тяжесть и многократность преступлений, в совершении которых подозревался заявитель, а также на его угрозы в адрес одной из жертв ограблений. Окружной суд указал, что содержание заявителя в специализированном Центре обеспечивало ему постоянное наблюдение со стороны педагогов и не могло быть признано неприемлемым по состоянию его здоровья.

9 августа 2012 года адвокат заявителя обратился в районный суд с ходатайством об освобождении заявителя из Центра в связи с истечением установленного решением суда от 7 мая 2012 года 3-месячного срока его содержания. В тот же день районный суд отклонил это ходатайство, мотивируя его отсутствием необходимости выносить отдельные постановления о продлении срока содержания заявителя под стражей после того, как решением районного суда от 27 июля 2012 года уголовное производство в отношении заявителя должно было осуществляться как исправительное производство в соответствии с принятым еще в 1982 году в Польше «Законом о несовершеннолетних». Пункт 3 статьи 27 данного закона устанавливает в качестве общей меры пресечения для несовершеннолетних, подозреваемых в совершении тяжких преступлений, их досудебное содержание под стражей после вынесения первичного судебного постановления об этом.

Заявитель оставался под стражей до вынесения приговора районного суда

9 января 2013 года. Суд приговорил заявителя к лишению свободы в исправительном учреждении с отсрочкой исполнения приговора на два года. В течение этого испытательного срока заявитель подлежал обязательному контролю польской службы судебных приставов. Приговор не был обжалован заявителем и вступил в законную силу 14 февраля 2013 года.

31 августа 2012 года заявитель направил жалобу в ЕСПЧ, ссылаясь на возможную необоснованность его досудебного содержания под стражей и невозможность обжаловать такое решение. После принятия жалобы к рассмотрению в качестве третьей стороны в соответствии с положениями пункта 2 статьи 36 Конвенции приняло участие польское отделение «Хельсинкского фонда прав человека».

В своем постановлении по данному делу Европейский Суд указал на отсутствие отдельного решения польских судов, санкционирующего продление содержания заявителя под стражей в период с 9 августа 2012 года по 9 января 2013 года. Суд подчеркнул, что содержание польского «Закона о несовершеннолетних» уже было предметом рассмотрения ЕСПЧ в постановлении от 2 марта 2010 года по делу «Адамкевич против Польши» (*Adamkiewicz v. Poland, № 54729/00*). Суд также указал на то, что отсутствие в польском национальном законодательстве правовой нормы о необходимости вынесения отдельного судебного решения о продлении содержания несовершеннолетнего под стражей в специализированном Центре, явилось предметом соответствующего обращения Уполномоченного по правам человека Республики Польша к Министру юстиции Польши в июне 2013 года.

В своем ответе Министр юстиции признал такую судебную практику неудовлетворительной и требовавшей внесения соответствующих поправок в действующее законодательство. В этой связи Европейский Суд указал, что польский «Закон о несовершеннолетних» не соответствует понятию «качество закона» применительно к положениям пункта 1 статьи 5 Конвенции, что делало содержание заявителя под стражей в Центре «незаконным» по смыслу данных конвенционных положений.

Относительно предполагаемого нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции, то Суд заключил, что заявитель не имел в своем распоряжении надлежащего эффективного средства правовой защиты для целей пересмотра законности содержания в приюте в нарушение указанного пункта статьи 5 Конвенции,

признав тем самым нарушение.

В рамках применения статьи 46 Конвенции, Суд указал в своем постановлении, что одновременно с заявителем и в отсутствие соответствующих специальных судебных постановлений в Польше под стражей содержалось 340 несовершеннолетних. В этой связи, а также в связи с тем, что пример заявителя был специально упомянут в письме Омбудсмана Республики Польша в Министерство юстиции страны летом 2013 года, Европейский Суд в своем постановлении указал на необходимость принятия властями Республики Польша мер общего характера на национальном уровне посредством соответствующей корректировки действующего «Закона о несовершеннолетних».

Признав нарушение пункта 1 и 4 статьи 5 Конвенции, Суд постановил выплатить заявителю 5 000 Евро в качестве компенсации нанесенного ему морального вреда.

Судебный акт вступил в силу 30 сентября 2015 года.

РУМЫНИЯ

Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 июля 2014 года по делу № 19320/07 «Бутиуч и Думитроф против Румынии» (Butiuc and Dumitrof v. Romania)

В данном деле Европейский Суд, ссылаясь на выработанные в прецедентной практике подходы, признал заявителя жертвой нарушения статьи 3 Конвенции, присудив в его пользу 7 000 евро компенсации морального вреда в связи с содержанием под стражей и отбыванием уголовного наказания в румынской тюрьме Поарта Альба в унижающих достоинство личности условиях.

Настоящее дело возбуждено на основании жалоб, поданных двумя гражданами Румынии – Мирче Дан Битиучем и Андреем Думитрофом. Из описательной части судебного акта следует, что в дальнейшем второй заявитель утратил интерес и больше не стал добиваться рассмотрения своей жалобы, в связи с чем производство по делу в указанной части было прекращено.

9 ноября 2006 года заявитель был приговорен к восьми годам тюремного заключения по обвинению в распространении наркотиков. До своего условно-досрочного освобождения в феврале 2010 года он отбывал уголовное наказание в той же румынской тюрьме, в которой ранее содержался под стражей по данному обвинению с 30 июня 2006 года.

В обоснование своих требований заявитель сослался на чрезмерную переполненность камеры, в которой ему приходилось находиться (четырнадцать заключенных на площади в тридцать два квадратных метра) при отсутствии надлежащей вентиляции. Он также жаловался на непредоставление администрацией пенитенциарного учреждения необходимых предметов гигиены и спальных принадлежностей, отсутствия отопления в зимний период, наличие в камере вшей и клопов, практику отключения водоснабжения и низкое качество питьевой воды.

Наряду с этим, заявитель жаловался на различные проявления жестокого обращения со стороны тюремной администрации.

В ходе рассмотрения настоящего дела Европейским Судом было установлено, что заявитель провел в тюрьме Поарта Альба в общей сложности 4 года, семь месяцев и девятнадцать дней. Несмотря на непредоставление государством-ответчиком никакой информации относительно количества заключенных в камерах, содержащихся совместно с заявителем, утверждения последнего подтверждаются фактами, установленными ЕСПЧ в подобных делах, в которых другие заявители, отбывавшие наказания в данной тюрьме были признаны жертвами нарушения статьи 3 Конвенции (*Cucolaş v. Romania*, 17044/03, *Hacioglu v. Romania*, 2573/03).

Представленная заявителем информация о характере других нарушений совпадает с общими выводами Комитета по предупреждению пыток, унижающего человеческое достоинства обращения или наказания относительно текущей ситуации в пенитенциарных учреждениях Румынии, а также подтверждается заключениями Румыно-Хельсинского комитета по правам человека отмеченных выше нарушений условий содержания заключенных в румынской тюрьме Поарта Альба в ходе проводимых в 2003 и 2009 годах инспекционных визитов.

В отсутствие опровержения государством-ответчиком надлежащими средствами доказывания соответствующих утверждений заявителя,

подтвержденных данными документами, Европейский Суд посчитал спорные факты установленными.

В обоснование принятого по делу судебного акта Европейский Суд заключил, что совокупный характер установленных нарушений условий содержания заявителя в период содержания под стражей и отбывания наказания повлек минимальный уровень жестокости, являющийся основанием для констатации нарушения соответствующих положений Конвенции.

В порядке применения статьи 41 Конвенции Европейский Суд присудил в пользу заявителя 7 000 евро в качестве компенсации морального вреда, а также 35 евро в счет компенсации понесенных судебных расходов и издержек.

Данное постановление вступило в силу 17 ноября 2014 года.

СЕРБИЯ/СЛОВЕНИЯ

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 16 июля 2014 года по делу № 60642/08 «Алишич и другие против Республики Босния и Герцеговина, Хорватии, Сербии, Словении и бывшей Югославской Республики Македонии» (Ališić and others v. Bosnia and Herzegovina, Croatia, Serbia, Slovenia and «the former Yugoslav Republic of Macedonia»)

Заявители в данном деле жаловались на отсутствие возможности в получении своих сбережений в иностранной валюте, размещенных на депозитных счетах в «Люблянском банке Сараево» и отделении «Инвестбанка» в Тузле до распада Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ).

До 1989-1990 годов власти бывшей СФРЮ предоставляли физическим лицам привлекательные условия по открытию вкладов в иностранной валюте в национальных банковских учреждениях. В частности, условиями соответствующих договоров были предусмотрены высокие ставки по банковским депозитам, а также государственные гарантии на случай банкротства.

В результате проведенных реформ «Люблянский банк Сараево» стал отделением «Люблянского банка Любляны» (со штаб-квартирой в Словении), к которому перешли права, обязательства и имущество предыдущего.

«Инвестбанк» стал независимым банком со штаб-квартирой в Сербии и рядом отделений в Боснии и Герцеговине, включая отделение в Тузле.

После распада СФРЮ в 1991-1992 годах ранее размещенная на банковских депозитах валюта превратилась в государствах-правопреемниках в «старые» или «замороженные» сбережения в иностранной валюте. В рамках переговоров по Соглашению по вопросам правопреемства в 2001-2002 годов были проведены 4 раунда переговоров по вопросу распространения на государства-правопреемники прежних гарантий СФРЮ в отношении «старых» сбережений в иностранной валюте. Поскольку государства-правопреемники не достигли консенсуса по данному вопросу в сентябре 2002 года Банк международных расчетов проинформировал стороны о своем отказе от участия в дальнейшем урегулировании данного вопроса.

Ссылаясь на статью 1 Протокола № 1, заявители утверждали, что с момента распада СФРЮ они были не в состоянии снять «старые» сбережения в иностранной валюте, ранее размещенные на депозитах двух банков. Ссылаясь на статью 13 в совокупности со статьей 14 Конвенции, заявители жаловались, что в распоряжении данной категории лиц не было эффективных средств защиты правовой защиты на национальном уровне.

В своем постановлении Суд указал, что цель, преследуемая властями государств-правопреемников, была законной, поскольку они приняли меры по защите национальных банковских систем после распада СФРЮ.

Суд также исследовал вопрос, насколько властями государств-правопреемников был соблюден справедливый баланс между общественными интересами и защитой прав собственности.

В отношении вопроса о наличии достаточных оснований для невыплаты государствами-правопреемниками денежных вкладов на протяжении столь длительного периода времени, Суд указал, что, несмотря на довод властей последних о том, что международное законодательство в отношении государственного правопреемства требовало лишь доброй воли на проведение переговоров без каких-либо временных ограничений, ведение этих переговоров не препятствовало принять какие-либо меры по защите интересов частных вкладчиков на национальном уровне. Решение вопроса действительно было найдено властями Словении и Сербии в отношении некоторых категорий вкладчиков, преимущественно социально уязвимых.

Несмотря на то, что некоторые задержки в принятии решений по выплатам могли быть оправданы в определенных обстоятельствах, заявители были ограничены в праве распоряжаться своими денежными средствами в течение более двадцати лет.

В отношении вопроса о наличии эффективных средств защиты интересов, доступных для заявителей, Большая Палата указала, что власти Республики Словения не представили доказательств того, что было исполнено хотя бы одно из многочисленных решений, обязывавших Люблянский банк выдать «старые» сбережения в иностранной валюте. Суд подчеркнул, что заявители не требовали от национальных властей предоставить им именно средство правовой защиты, с помощью которого они могли бы оспорить закон в национальных судах, но требовали предоставить эффективное средство, с помощью которого они могли бы получить свои сбережения тем или иным способом.

Большая Палата признала обоснованными доводы Палаты в постановлении от 6 ноября 2012 года о применении по данному делу процедуры «пилотного» постановления, по причине нахождения на рассмотрении Суда около 1 850 аналогичных жалоб, заявителями по которым являлись более 8 000 человек.

В этой связи Сербия и Словения должны были в течение одного года под контролем Комитета министров Совета Европы принять необходимые меры общего характера, включая внесение изменений в законодательство, которые бы позволили заявителям, а также иным, лицам, оказавшимся в ситуации, схожей с ситуацией заявителей, снять свои сбережения в иностранной валюте.

Изучив все обстоятельства жалобы, Большая Палата Европейского Суда единогласно признала, что власти Республики Сербия нарушили положения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и статью 13 Конвенции в отношении г-на Сахдановича. В отношении г-жи Алишич и г-на Саджака было установлено, что власти Республики Словения нарушили статью 1 Протокола № 1 и статью 13 Конвенции.

Большинством голосов (15 против 2) ЕСПЧ постановил, что другими государствами-ответчиками не было допущено нарушение статьи 1 Протокола № 1 и статьи 13 Конвенции.

Суд единогласно постановил, что отсутствует необходимость отдельного рассмотрения жалобы по статье 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 и статьей 13 Конвенции в отношении Сербии и Словении, а также, что другими государствами-ответчиками не было допущено каких-либо нарушений статьи 14, рассматриваемой во взаимосвязи со статьей 13 и статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

В контексте обеспечения исполнения Сербией и Словенией названного «пилотного» постановления Большой Палатой ЕСПЧ было принято решение о приостановлении рассмотрения подобных дел в течение одного года.

В пользу каждого заявителя Судом была присуждена компенсация морального вреда в размере 4 000 евро.

СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 13 сентября 2016 года по делу № 50541/08 «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (Ibrahim and others v. United Kingdom)

Настоящее дело проблематику допустимости отсроченного доступа к адвокату в ходе полицейского допроса ввиду исключительно серьезной и неотвратимой угрозы общественной безопасности.

Заявителями по делу выступают три гражданина Сомали - г-н Муктар Саид Ибрагим («первый заявитель»), г-н Рамзи Мохаммедом («второй заявитель») г-н Ясин Омар («третий заявитель»), и гражданин Великобритании, сомалийского происхождения, Исмаил Абдурахман («четвертый заявитель»).

21 июля 2005 года, через две недели после гибели 52 человек в результате взрывов, совершенных террористом-смертником в городе Лондоне, в городской системе общественного транспорта были приведены в действие дополнительные взрывные устройства, которые не сработали. Преступники скрылись с места происшествия.

Вскоре поочередно первые три заявителя были задержаны, однако им было отказано в юридической помощи на период от четырех до восьми часов, с целью проведения полицией соответствующих персональных допросов для обеспечения общественной безопасности. В ходе проведения «допросов

безопасности» каждый из заявителей отрицал какую-либо причастность к событиям 21 июля 2005 года.

В ходе судебного разбирательства задержанные заявители признали свою причастность к событиям, однако утверждали, что данная акция была сложной мистификацией и направлена против войны в Ираке. При этом взрывные устройства были муляжами и никогда не предназначались для совершения взрывов. Полученные на «допросах безопасности» показания, легли в основу приговора о признании заявителей виновными в сговоре с целью совершения умышленного убийства. Вышестоящий суд оставил данный приговор без изменения.

Четвертый заявитель не подозревался в приведении в действие взрывного устройства и первоначально был допрошен полицией в качестве свидетеля. Тем не менее, он начал свидетельствовать против самого себя, рассказывая про встречу с одним из подозреваемых смертников вскоре после террористических актов и о помощи, которую он оказывал этому подозреваемому. Сотрудники полиции на данном этапе не произвели его задержания и не сообщили ему о его праве не давать показания и пользоваться помощью адвоката, а продолжали допрашивать его в качестве свидетеля, взяв соответствующие письменные показания.

Впоследствии он был задержан, и ему была предложена помощь адвоката. На последующих допросах он последовательно ссылался на свои письменные показания, которые были приняты в качестве доказательств в ходе судебного разбирательства. Он был осужден за пособничество одному из смертников и за отказ сообщить информацию о взрывах. Его жалоба на привлечение к уголовной ответственности была оставлена без удовлетворения.

В своих жалобах в Европейский Суд заявители утверждали, что были лишены доступа к адвокатам во время первых «допросов безопасности» в полиции, и что принятие их показаний в качестве доказательств в ходе судебного разбирательства нарушило их право на справедливое судебное разбирательство в соответствии с пунктом 1 и 3(с) статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд в своем постановлении напомнил, что если власти государства-ответчика убедительно продемонстрировали срочную необходимость избежания серьезных отрицательных последствий для жизни, свободы или физической неприкосновенности лиц, это может составлять

веские причины ограничения доступа к юридической консультации для целей статьи 6 Конвенции.

В отношении того, что отсутствие веских причин для ограничения доступа к юридической помощи было само по себе достаточным для установления нарушения требований статьи 6 Конвенции, Европейский Суд напомнил, что при оценке наличия нарушения права на справедливое судебное разбирательство необходимо рассматривать разбирательство в целом, а права, предусмотренные пунктом 3 статьи 6 Конвенции, как специфические аспекты общего права на справедливое судебное разбирательство, а не сами по себе.

Таким образом, отсутствие веских причин не влечет вывод о том, что по делу допущено нарушение требований статьи 6 Конвенции.

Однако результат теста «веских причин», тем не менее, имеет значение для оценки общей справедливости. Если веские причины были признаны установленными, должна быть проведена комплексная оценка совокупности разбирательства для определения того, было ли оно «справедливым» для целей пункта 1 статьи 6 Конвенции. Если не имелось веских причин, Европейский Суд должен был применять весьма строгий анализ в своей оценке справедливости. Уклонение властей государства-ответчика от раскрытия веских причин может серьезно повлиять на равновесие при оценке общей справедливости судебного разбирательства и нарушить равновесие в пользу установления нарушения пункта 1 и пункта 3 «с» статьи 6 Конвенции. Бремя доказывания возлагается на власти государства-ответчика, которые должны убедительно продемонстрировать, почему в виде исключения и при конкретных обстоятельствах дела общая справедливость судебного разбирательства не была необратимо умалена ограничением доступа к юридической консультации.

Относительно применения вышеизложенных принципов к данному делу власти государства-ответчика убедительно продемонстрировали в деле первых трех заявителей существование срочной необходимости, когда проводились «допросы безопасности» для предотвращения серьезных отрицательных последствий для жизни и физической неприкосновенности людей. Полиция имела все основания полагать, что заговор был покушением на повторение событий 7 июля и тот факт, что взрывные устройства не сработали, был случайным совпадением.

Следовательно, имелись веские причины для временных ограничений права первых трех заявителей на оказание юридической помощи. Европейский Суд также постановил, что в делах первых трех заявителей, несмотря на задержку в предоставлении им доступа к юридической консультации и принятии в суде показаний, данных в отсутствие юридической консультации, в целом разбирательство было справедливым. Требования статьи 6 Конвенции нарушены не были.

В отношении ситуации четвертого заявителя Большая Палата Европейского Суда пришла к заключению, что власти государства-ответчика убедительно не продемонстрировали, что эти исключительные обстоятельства были достаточными, чтобы составлять веские причины продолжать допрос четвертого заявителя после того, как он начал давать показания против себя, без уведомления или разъяснения ему права на юридическую консультацию. Таким образом, по делу было установлено нарушение положений пунктов 1 и 3(с) 6 Конвенции в отношении четвертого заявителя.

В порядке применения статьи 41 Конвенции Суд, учитывая обстоятельства данного дела, не присудил компенсацию морального вреда. В части компенсации судебных расходов и издержек присуждено 16 000 евро.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 октября 2005 года по делу № 74025/01 «Херст против Великобритании»(№ 2) (Hirst group v. the United Kingdom (No.2))

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по настоящему делу поднимает проблематику нарушения права лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, голосовать в ходе выборов в национальный парламент и местные представительные органы.

Заявителем по делу является подданный Соединенного Королевства Джон Херст, отбывавший с 1980 года пожизненное заключение за убийство.

Заявитель, которому как и другим 48 000 заключенным в соответствии с положениями статьи 3 Закона о народном представительстве было запрещено принимать участие в голосовании в ходе проведения парламентских выборов или выборов в местные органы самоуправления оспорил данное законоположение в Высоком Суде правосудия как противоречащее положениям Конвенции.

В удовлетворении требований заявителя судом первой и апелляционной инстанции было отказано. В обоснование принятых по делу судебных актов органы британского правосудия в частности сослались на то, что лица, совершившие преступления, наказание за которые влечет лишение свободы в соответствующий период времени утрачивают право высказывать свое мнение при решении вопросов относительно управления делами государства. Физическая изоляция от общества влечет отстранение от привилегий, предоставляемых обществу, среди которых право выбирать представителей власти.

В постановлении Европейского Суда от 30 марта 2004 года требования заявителя о признании его жертвой нарушения положений статьи 3 Протокола №1 к Конвенции были удовлетворены. ЕСПЧ пришел к заключению, что исключение отбывающих наказание осужденных из электорального процесса является несоразмерным. При этом было также принято во внимание, что данное ограничение затрагивало значительное количество лиц и принималось автоматически независимо от характера, совершенного преступного деяния и срока наказания.

Не оспаривая в принципе широкую дискрецию и свободу усмотрения Высоких Договаривающихся Сторон в области ограничения избирательных прав и поиска справедливого баланса между необходимостью обеспечения интересов общества и частных лиц, ЕСПЧ констатировал, что отсутствуют какие-либо доказательства того, что законодательные органы государства-ответчика предпринимали попытки сопоставить конкурирующие интересы либо дать оценку соразмерности такого запрета, в том случае, когда последний касается прав лиц, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях.

В приведенных обстоятельствах Суд не может признать допустимой сложившуюся ситуацию, согласно которой вопрос об абсолютном запрете избирательных прав заключенных находится в области допустимой свободы усмотрения государств.

По ходатайству государства-ответчика 10 ноября 2004 года настоящее дело было передано на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда.

В вынесенном Большой Палатой 6 октября 2005 года постановлении в целом содержится согласие с доводами, положенными в основу принятого по первой инстанции судебного акта.

В ответ на позицию властей Соединенного Королевства об отсутствии европейского консенсуса по данной проблематике было отмечено, что несмотря на наличие разногласий среди Высоких Договаривающихся Сторон относительно предоставления заключенным права голосовать, неоспоримым фактом является то, что государство-ответчик является не единственной страной Совета Европы, которая лишает соответствующего права. Судом также на ряде примеров проиллюстрировано, что в некоторых случаях британские законы в этом отношении являются более гибкими по сравнению имеющимся правовым регулированием в других государствах.

Вместе с тем, введение абсолютного императивного запрета на голосование заключенных существует в меньшинстве государств-участниках Конвенции. Принимая во внимание представленные Соединенным Королевством статистические данные число таких государств не превышает 13.

Однако, согласно позиции Большой Палаты, отсутствие единообразного законодательного регулирования спорных правоотношений в различных государствах-участниках Конвенции не может быть определяющим в контексте рассмотрения данного вопроса.

Таким образом, Европейский Суд вновь обратил внимание на то, что, признавая широкую свободу усмотрения государств в данном вопросе, она все же не является неограниченной. Общее автоматическое и недифференцированное ограничение ключевого права в демократическом обществе, гарантированного Конвенцией, должно рассматриваться как не подпадающее в область допустимой свободы усмотрения государств и несовместимо с положениями Конвенции.

В отношении доводов властей Соединенного Королевства по вопросу отсутствия указаний в первичном постановлении по настоящему делу о том, какие ограничения права голоса заключенных могли бы быть совместимы с конвенционными требованиями, Суд, со ссылкой на статью 46 Конвенции акцентировал внимание на том, что именно государство-ответчик должно выбрать и под контролем Комитета министров определить данные меры в целях исполнения своих конвенционных обязательств.

По результатам рассмотрения данного дела Большая Палата Европейского Суда двенадцатью голосами против пяти признала Д. Херста жертвой нарушения статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции.

Заявитель требовал взыскать с государства-ответчика 5 000 фунтов стерлингов в качестве причиненного ему морального вреда. Суд согласился с позицией властей Соединенного Королевства о том, что признание нарушения будет само по себе являться достаточной справедливой компенсацией, отказав в удовлетворении денежных притязаний последнего.

В пользу заявителя присуждено 23 200 евро в качестве судебных расходов и издержек понесенных им непосредственно, а также его представителями при разбирательстве настоящего дела в двух инстанциях Европейского Суда.

ТУРЦИЯ

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 10 мая 2001 года по делу № 25781/94 «Кипр против Турции» (Cyprus v. Turkey)

В постановлении Большой Палаты от 10 мая 2001 года, разрешившим межгосударственный спор по существу, на основе докладов, подготовленных в 1976 и 1983 годах Европейской Комиссией по правам человека был сделан вывод о том, что в ходе оккупации северной части острова Кипр вооруженными силами Турции в июле – августе 1974 года как минимум 1 485 греков-киприотов пропали без вести после того, как они были задержаны силовыми структурами Турции.

Впоследствии 211 тысяч греков-киприотов и их потомков были лишены возможности доступа к принадлежащей им собственности в северной части Кипра, перешедшей под турецкий контроль. Оставшиеся в Северном Кипре в этническом анклав на полуострове Карпас греки-киприоты подвергались ущемлению их прав по национальному признаку со стороны властей самопровозглашенной в ноябре 1984 года «Турецкой Республики Северного Кипра» («ТРСК»).

При этом судьи Большой Палаты признали факт «эффективного контроля» со стороны властей Турции над территорией «Турецкой Республики Северного Кипра», сославшись на выводы, сформулированные в ранее вынесенном постановлении по делу «Луизиду против Турции» (*Loizidou v. Turkey*).

В данном постановлении Европейским Судом был признан факт нарушения Турецкой Республикой положений статьи 2 Конвенции, поскольку власти государства-ответчика не обеспечили проведение эффективного расследования для установления судеб греков-киприотов, пропавших без вести летом 1974 года в обстоятельствах, представлявших непосредственную угрозу их жизням. В этой связи также было признано нарушение положений статьи 5 Конвенции, поскольку турецкие власти не смогли провести эффективные расследования для проверки информации о том, что ряд пропавших без вести греков-киприотов были изначально задержаны турецкими властями и содержались в местах лишения свободы. Принимая во внимание то обстоятельство, что родные и близкие пропавших без вести греков-киприотов не располагали какой-либо конкретной информацией об их судьбах, судьи ЕСПЧ классифицировали как нарушение турецкими властями положений статьи 3 Конвенции.

Большая Палата ЕСПЧ расценили сохраняющуюся фактическую невозможность для греков-киприотов, вынужденных уехать с Северного Кипра, вернуться в свои жилища на территории, контролируемые властями «ТРСК», а также отсутствие у них каких-либо компенсаций за утраченное на Северном Кипре имущество как нарушение властями Турции положений статьи 8 Конвенции, а также статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Отсутствие у греков-киприотов каких-либо возможностей использовать правовую систему Турции и «ТРСК» для восстановления их нарушенных прав Большая Палата расценила как нарушение статьи 13 Конвенции. То обстоятельство, что указанные нарушения прав греков-киприотов были обусловлены их принадлежностью к нынешнему национальному меньшинству в «ТРСК» судьи ЕСПЧ квалифицировал как нарушения положений статьи 14 Конвенции.

В постановлении Большой Палаты принадлежащие к данной категории лица признаны жертвами нарушений статьи 3 Протокола № 1 в связи с невозможностью реализации права на свободные выборы.

Наряду с этим в судебном акте были признаны нарушения со стороны турецких властей предусмотренных положениями статей 3, 8, 9, 10 и 13 Конвенции прав греков-киприотов, проживающих в этнических анклавах на полуострове Карпас.

При вынесении постановления от 10 мая 2001 года Большая Палата ЕСПЧ особо подчеркнула, что вопрос о порядке и размере выплат компенсаций за нарушения прав греков-киприотов, признанные в указанном постановлении, нуждался в отдельном дополнительном рассмотрении.

31 августа 2007 года власти Республики Кипр как государства-заявителя по межгосударственной жалобе № 25781/94 «Кипр против Турции» уведомили Европейский Суд о своем намерении обратиться в Большую Палату ЕСПЧ для определения конкретных сумм справедливой компенсации по данной жалобе в соответствии с положениями статьи 41 Конвенции.

11 марта 2010 года кипрские власти представили в ЕСПЧ запрос об определении конкретной компенсации по указанной жалобе в пользу семей греков-киприотов, которые считаются пропавшими без вести, и в отношении которых в постановлении БП ЕСПЧ от 10 мая 2001 года было признано нарушение положений статей 2, 3 и 5 Конвенции, а также в отношении греков-киприотов как этнического меньшинства, проживающего на полуострове Карпас Северного Кипра, и подвергающегося нарушениям их прав, предусмотренных положениями статей 3, 8, 9, 10 и 13 Конвенции.

В ходе слушаний Большой Палаты ЕСПЧ по указанному вопросу о выплатах справедливых компенсаций по межгосударственной жалобе «Кипр против Турции» турецкие власти пытались оспорить саму возможность применения положений статьи 41 Конвенции в межгосударственных жалобах. Рассмотрев этот довод, судьи Большой Палаты пришли к следующему выводу, включенному в текст постановления БП ЕСПЧ от 12 мая 2014 года:

«...Принимая во внимание особый характер специального законодательства в отношении общих правил и принципов международного права, статья 41 Конвенции как таковая применяется к межгосударственным делам. Однако вопрос об оправданности присуждения справедливой компенсации государству-заявителю должен оцениваться и разрешаться Европейским Судом в каждом конкретном случае с учетом, в частности, вида жалобы, поданной государством-заявителем, того, выявлены ли жертвы нарушений, а также с учетом основной цели возбуждения разбирательства, насколько она усматривается из первоначального обращения в Европейский Суд. Если жалоба, поданная в Европейский Суд в соответствии со статьей 33 Конвенции, содержит различные виды претензий, преследующих разные цели,

каждая претензия должна быть рассмотрена отдельно для разрешения того, оправдано ли присуждение справедливой компенсации в связи с ней.

В настоящем деле кипрское государство-заявитель выдвинуло требования о справедливой компенсации в отношении нарушения прав достаточно точно и объективно определенных двух групп лиц: 1 456 безвестно пропавших лиц и находящихся в анклаве греко-киприотов полуострова Карпас. Другими словами, справедливая компенсация требовалась не с целью компенсации государству за нарушение его прав, а в интересах конкретных жертв. При таких обстоятельствах требование в соответствии со статьей 41 Конвенции являлось оправданным».

В своем постановлении от 12 мая 2014 года судьи Большой Палаты ЕСПЧ также приняли во внимание содержание обращения, поданного в ЕСПЧ 18 июня 2012 года властями Республики Кипр. Они ходатайствовали о выплате справедливых компенсаций за понесенный нематериальный ущерб в размере 50 000 евро каждому греку-киприоту, проживавшему в этническом анклав на полуострове Карпас в Северном Кипре в период с момента оккупации острова турками в июле 1974 года до принятия Большой Палатой ЕСПЧ базового решения по межгосударственной жалобе № 25781/94 в мае 2001 года. В ходатайстве предлагалось, чтобы власти Кипра и Турции согласовали бы между собой при посредничестве руководства ЕСПЧ точное количество проживающих на полуострове Карпас греков-киприотов, которым предстояло выплатить компенсации, в шестимесячный период после подачи данного обращения. Однако власти Турции уклонились от исполнения данного обращения.

С учетом вышеизложенного, судьи Большой Палаты Европейского Суда большинством в 15 голосов против двух определили, что власти Турции должны были выплатить родственникам пропавших без вести киприотов денежную компенсацию за понесенный ими нематериальный ущерб на общую сумму в 30 000 000 евро.

Также судьи Большой Палаты большинством в 15 голосов против двух определили размер компенсации за нематериальный ущерб, причитающейся не определенному точно количеству греков-киприотов, проживающим в этническом анклав на полуострове Карпас, на общую сумму в 60 000 000 евро.

ФИНЛЯНДИЯ

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 19 апреля 2007 года по делу № 63235/00 «Вильхо Эскелинен и другие против Финляндии» (Vilho Eskelinen and others v. Finland)

Заявителями по делу выступили восемь сотрудников финской полиции, получавшие в соответствии с их персональными служебными контрактами индивидуальные надбавки за службу в отдаленных административно-территориальных образованиях до произошедшего в 1990 году присоединения этих образований к регионам страны, на которые не распространялась практика выплат таких надбавок. В 1990-1997 годах жалобы заявителей на то, что в результате административной реформы они необоснованно лишились полагавшихся им надбавок, последовательно рассматривались национальным Министерством финансов, местными административными властями, региональным и Верховным Административным Судом Финляндии, не усмотревшими оснований для удовлетворения указанных претензий.

В ответ на коммуникацию ЕСПЧ финские власти представили возражения, в которых указали на то, что положения статьи 6 Конвенции не могли в полной мере применяться к заявителям в связи с их особым статусом государственных служащих, подразумевавшим определенные ограничения их прав.

В свою очередь, судьи Большой Палаты ЕСПЧ в своем постановлении от 19 апреля 2007 года пришли к следующему выводу:

«Государство-ответчик может ссылаться в Европейском Суде на наличие у заявителя статуса государственного служащего как на основание для лишения его защиты, воплощенной в статье 6 Конвенции, при соблюдении двух условий. Во-первых, национальное право соответствующего государства должно в явной форме лишать доступа к правосудию работников, занимающих должность или одну из категории должностей, о которой идет речь. Во-вторых, лишение доступа к правосудию должно быть оправдано объективными соображениями государственного интереса. Для того чтобы оправдать лишение доступа к правосудию, государству недостаточно доказать, что государственный служащий участвует в осуществлении государственной власти, или что государственного служащего и государство как его

работодателя связывают «особые узы доверия и лояльности», как выразился Суд в постановлении по делу «Пеллегрен против Франции» (*Pellegrin v. France, № 28541/95*). Государство должно также продемонстрировать, что предмет спора, о котором идет речь, относится к осуществлению государственной власти или ставит под сомнение существование упомянутых уз.

Таким образом, в принципе нет оправдания тому, что гарантии, предусмотренные статьей 6 Конвенции, на основании особого характера отношений между конкретным государственным служащим и государством не применяются к обычным трудовым спорам, относящимся, например, к заработной плате, дополнительным выплатам или сходным правомочиям. Практически это означает появление презумпции применимости положений статьи 6 Конвенции в отношении данной категории лиц. Именно государство-ответчик должно будет продемонстрировать, во-первых, что национальное законодательство не предоставляет государственному служащему, выступающему по делу в качестве заявителя, права на доступ к правосудию, и, во-вторых, что лишение этого государственного служащего прав, предусмотренных статьей 6 Конвенции, является оправданным...».

Следовательно, в постановлении по данному делу Европейский Суд отказался от руководства сугубо функциональным критерием, лежащим в основе его предшествующей прецедентной практики, формальное следование которому могло привести к необоснованному ограничению прав и законных интересов государственных служащих.

Наряду с этим, Судом было констатировано нарушение положений пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с чрезмерно длительным рассмотрением жалоб заявителей национальными судебными органами, а также статьи 13 Конвенции в связи с отсутствием эффективных средств правовой защиты в этой связи.

Названным постановлением Европейский Суд присудил по 2 500 евро каждому заявителю в качестве компенсации морального вреда, а также 9 622,11 евро совместно в качестве компенсации понесенных судебных расходов и издержек.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июня 2015 года по делу № 32297/10 «Нискасаари и «Отавамедиа Ои» против Финляндии» (Niskasaari and Otavamedia Oy v. Finland)

23 июня 2015 года ЕСПЧ вынес постановление по жалобам заявителей - гражданина Финляндии Микко Вели Нискасаари, и финской медиа компании «Отавамедиа Ои». Заявители, ссылаясь на статью 10 Конвенции, жаловались на отсутствие законных оснований для вмешательства финских властей в их свободу выражения мнения, а также на непропорциональность санкций, примененных к ним на национальном уровне. Заявители, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, также жаловались на длительность судебных разбирательств.

В мае 2002 года Нискасаари, работающий журналистом в издании «Seura», принадлежащем компании «Отавамедиа Ои», опубликовал в нем авторский материал, в котором подверг критике два документальных телефильма финской национальной телерадиовещательной компании, премьеры которых состоялись в марте 1998 года и ноябре 2001 года. Фильмы были посвящены защите от древесной плесени финских лесов и деревянных домов. В своей публикации Нискасаари высказал мнение, что авторы фильмов сфабриковали часть озвученной там статистики, а также использовали в своих работах заведомо некорректные утверждения конкретных ученых.

Один из авторов указанных фильмов, некий «М.В.», в сентябре 2002 года обратился в финскую полицию с запросом о проверке авторской публикации Нискасаари на предмет наличия в ней элементов диффамации в его адрес, сопроводив его иском о возмещении вреда, якобы причиненного ему автором материала и опубликовавшим его изданием. После первичной проверки по данной жалобе, включая получение объяснений журналиста Нискасаари и представителей компании «Отавамедиа Ои», в апреле 2004 года прокурор округа Эспоо поддержал жалобу «М.В.» и обратился в окружной суд с обвинением Нискасаари в диффамации.

В июне 2005 года окружной суд Эспоо вынес решение о подсудности ему указанного дела. Решением от 26 января 2007 года суд отказал в удовлетворении иска «М.В.» за необоснованностью обвинений, озвученных им в адрес Нискасаари. Суд указал, что как сами авторы фильмов, так и автор

критиковавшей их публикации имели реальные основания для сделанных ими оценок. «М.В.» обжаловал это решение окружного суда в апелляционном суде Хельсинки.

Постановлением от 30 января 2009 года апелляционный суд признал Нискасаари виновным в диффамации и приговорил его к штрафу в размере 240 евро, а также к выплате «М.В.» за причиненный тому моральный ущерб 2 000 евро. Суд также обязал компанию «Оттавамедиа» как собственника журнала, где состоялась публикация диффамационного материала, выплатить «М.В.» 4000 евро компенсации за нанесенный тому ущерб, а также оплатить все понесенные им судебные расходы и издержки на общую сумму 25 500 евро.

В своем постановлении апелляционный суд признал, что в деле отсутствовали материалы, которые давали бы основание полагать, что «М.В.» в своих фильмах осознанно и намеренно допустил некорректную трактовку фактов, в которой его обвинил Нискасаари в своей публикации.

Заявители обжаловали вынесенное против них решение апелляционного суда в Верховном Суде Финляндии, который своим постановлением от 11 декабря 2009 года оставил их жалобу без удовлетворения, а вынесенный им приговор - без изменения.

Рассмотрев жалобу заявителей, поданную в ЕСПЧ в июне 2010 года, Европейский Суд в своем постановлении признал, что в действиях финских властей имело место вмешательство в гарантированное положениями статьи 10 Конвенции право заявителей на их свободу выражения мнений. Такое вмешательство было основано на законе и преследовало законную цель.

Вместе с тем, Суд отметил, что в данном случае, как и в ранее рассмотренных ЕСПЧ жалобах «Фон Ганновер против Германии» (*Von Hannover v Germany*, № 59320/00) и «АО «Аксель Шпрингер» против Германии» (*AG Axel Springer v Germany*, № 39954/08), надлежало принять во внимание ряд критериев, призванных определить оправданность вмешательства национальных властей в право на свободу выражения мнений для установления баланса между защитой права на свободу выражения мнения и права на уважение частной жизни. В качестве таких критериев ЕСПЧ указал: а) общественный интерес к содержанию дебатов; б) степень публичности вовлеченной персоны и предмет связанного с ней обсуждения; в) предыдущее поведение персоны, в отношении которого было высказано мнение; г) способ

получения информации и ее достоверность; д) содержание, форма и последствия публикации, и е) суровость наложенных санкций.

В данном деле Европейский Суд, применив указанные критерии соответствия, пришел к выводу, что тема публикации и дальнейших обсуждений, возникших в связи с ее появлением, была предметом правомерного общественного интереса. Обе стороны возникшей дискуссии являлись профессиональными журналистами и в силу этого медийными публичными персонами. При оценке достоверности информации, приведенной в публикации заявителя Ниискасари, ЕСПЧ принял во внимание решение апелляционного суда Хельсинки о том, что поскольку в фильмах, ставших объектами критики заявителя, была озвучена различная статистическая информация, это не могло служить основанием для обвинений их авторов в намеренной фальсификации. Европейский Суд также принял во внимание суровость понесенного заявителями наказания, и пришел к выводу, что в ходе рассмотрения дела в национальных судах не были применены указанные выше критерии ЕСПЧ.

С учетом изложенного Европейский Суд заключил, что, несмотря на безусловное наличие свободы усмотрения, судебные власти Финляндии при рассмотрении дела в отношении заявителей не смогли соблюсти необходимый баланс интересов. Тем самым ими было допущено нарушение прав обоих заявителей, предусмотренных положениями статьи 10 Конвенции.

Европейский Суд решил исключить жалобу заявителей из списка дел, подлежащего рассмотрению в отношении допущенной финскими властями неоправданной длительности судебных разбирательств по их делу, нарушившей положения пункта 1 статьи 6 Конвенции. Это решение было вынесено на основании статьи 39 Конвенции в связи с поступившей в ЕСПЧ летом 2012 года информацией о достигнутом тогда мировом соглашении между заявителями и властями Финляндии, добровольно выплатившими заявителям 2500 евро в качестве компенсации за понесенный ими нематериальный ущерб, и еще 1 000 евро для покрытия их судебных расходов и издержек.

В свою очередь, Европейский Суд по правам человека своим постановлением от 23 июня 2015 года предписал властям Финляндии, допустившим нарушение статьи 10 Конвенции в отношении обоих заявителей,

выплатить последним 31 942,29 евро в качестве компенсации материального ущерба, и 3 000 евро - в качестве компенсации судебных расходов и издержек. Заявителю Ниискасари также присуждено 1500 евро в качестве компенсации понесенного им морального вреда.

ФРАНЦИЯ

Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 2014 года по делам №№ 17110/10 и 17301/10 «Али Саматар и другие против Франции» (Ali Samatar and others v. France)

Заявители, шестеро граждан Республики Сомали, изначально обвинялись в том, что 4 апреля 2008 года, действуя в составе вооруженной группы численностью примерно в 12 человек, захватили на границе территориальных вод Сомали и Йемена круизную яхту «Le Ponant» под французским флагом, принадлежащую одноименной французской туристической компании. Взяв в заложники находившихся на борту 30 членов экипажа, в том числе 20 граждан Франции, сомалийские пираты доставили судно и экипаж в сомалийский порт Гараад и начали переговоры об уплате выкупа.

5 апреля 2008 года Временное переходное правительство Сомали было проинформировано о произошедшем инциденте и направило французским властям вербальную ноту, в которой уполномочило их принять все необходимые меры для урегулирования проблемы, включая заход кораблей французских ВМС в территориальные воды Сомали, а также пропорциональное применение силы к похитителям.

Через 6 дней пираты отпустили всех заложников в обмен на доставленный в порт Гараад выкуп в размере 2,15 млн. евро. В тот же день ударное подразделение французских миротворческих сил, действуя с международной военно-морской базы в Бахрейне, высадило вертолетный десант в окрестностях порта Гараад и задержало шестерых заявителей, пытавшихся скрыться из порта на грузовике.

С 11 по 14 апреля 2008 года заявители содержались под стражей на французской военной базе. После получения 14 апреля 2008 года согласия властей Сомали, заявители предстали перед французским правосудием и 15 апреля были отправлены во Францию на борту самолета французских ВМС.

По прибытии во Францию около 7 часов утра 16 апреля они были взяты под стражу как обвиняемые в совершении актов морского пиратства. Утром 18 апреля они предстали перед судьей Парижского окружного суда, постановившего избрать к ним досудебную меру пресечения в виде содержания под стражей.

Заявители обжаловали этот судебный акт в Парижском окружном апелляционном суде, указав на незаконность как их задержания французскими силовыми структурами на территории Сомали 11 апреля 2008 года, так и последующего содержания под стражей до доставки во Францию 16 апреля 2008 года. Представители заявителей мотивировали эти жалобы тем, что санкция властей Сомали на задержание заявителей и их передачу французскому правосудию была принята в отсутствие соответствующих межгосударственных договоров между Францией и Сомали, и что заявители после их задержания 11 апреля 2008 года и до 16 апреля 2008 года, когда они находились под контролем французских военных властей, не имели доступа к правосудию и не были уведомлены о конкретных сроках, когда им будет обеспечен такой доступ. Эта жалоба была признана необоснованной определением французского апелляционного суда от 9 апреля 2009 года, которое оставил без изменения своим решением от 16 сентября 2009 года французский суд кассационной инстанции.

Приговором от 12 июня 2012 года коллегия суда присяжных Парижа признала двоих заявителей - Абдурахмана Али Саматара и Абделькадера Гюледа Саида невиновными по существу всех предъявленных им обвинений. Четверо остальных подсудимых в тот же день были признаны виновными и приговорены 14 июня 2012 года к наказаниям в виде лишения свободы на срок от 4 до 10 лет во французских пенитенциарных учреждениях.

23 июня 2012 года заявители Али Саматар и Гюлед Саид обратились в Парижский апелляционный суд с иском о выплате им денежных компенсаций за моральный и материальный ущерб, нанесенный их досудебным содержанием под стражей в период с 18 апреля 2008 года по 12 июня 2012 года.

Признав их жалобы обоснованными, апелляционный суд 5 ноября 2012 года приняло решение о выплате обоим заявителям по 90 000 евро в качестве компенсации морального вреда, а также 5 000 евро А. Саматару и 3 000 евро Г. Саиду за нанесенный ими материальный ущерб, исходя из

размера их предполагаемых доходов за период, проведенный ими под стражей, и по 1 500 евро на покрытие понесенных ими судебных издержек.

Постановлением от 17 июня 2013 года кассационная инстанция пересмотрела суммы подлежащих к уплате компенсаций в сторону их увеличения. В пользу заявителей было присуждено по 120 000 евро за моральный вред и по 10 000 евро за материальный ущерб, а также по 1 500 евро на покрытие судебных издержек. На момент вынесения этого решения оба заявителя пребывали во французских центрах временного содержания мигрантов как соискатели статуса вынужденных переселенцев во Францию.

Наряду с защитой в национальных судах Франции нарушенных прав двоих заявителей, которые после продолжительного досудебного содержания под стражей были признаны невиновными в инкриминируемых им преступлениях, французские адвокаты, представлявшие интересы заявителей, в 2010 году обратились в ЕСПЧ с жалобами на нарушение прав их подзащитных после задержания французскими военнослужащими 11 апреля 2008 года на их незамедлительное доставление к должностным лицам, наделенным судебной властью, и на безотлагательное рассмотрение судебными властями Франции правомерности их заключения под стражу.

Представители французских властей в ЕСПЧ не согласились с обоснованностью указанных жалоб, сославшись на ранее вынесенные Европейским Судом решения по делам «Ригопулос против Испании» (*Rigoroulos v. Spain № 37388/97*) и «Медведев и другие против Франции» (*Medvedyev and others v. France №3394/03*). В обоих конкретных случаях ЕСПЧ признал наличие «исключительных обстоятельств», препятствовавших тому, чтобы заявители были доставлены к должностным лицам, наделенным судебной властью, в возможно более короткие сроки, чем, соответственно, 16 и 13 суток, прошедших с момента их задержания до доставления в суд, поскольку заявители могли быть доставлены лишь морским путем.

В своем постановлении Европейский Суд признал, что в данном случае, как и в указанных выше делах, присутствовали «исключительные обстоятельства», позволявшие Суду сделать вывод об отсутствии оснований усмотреть здесь нарушение Конвенции. В то же время, сославшись на свое решение по делу «Васис и другие против Франции» (*Vassis and others v. France, № 62736/09*), Суд усмотрел нарушение прав задержанных на то, чтобы

предстать перед судьей в течение 24 часов с момента их доставки во Францию. По мнению судей ЕСПЧ, такая практика призвана обеспечить своевременное информирование национальных судебных властей о возможном жестоком обращении с задержанными. В связи с тем, что заявители по данной группе дел предстали перед судьей, избравшим к ним меру пресечения в виде содержания под стражей, лишь 18 апреля 2008 года, через 48 часов после их доставки во Францию, ЕСПЧ усмотрел в данном случае нарушения прав заявителей, предусмотренных положениями пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд в данном случае не счел необходимым отдельно рассматривать жалобу заявителей на возможное нарушение их прав, предусмотренных положениями пункта 4 статьи 5 Конвенции, указав, что в данном случае соблюдение этих прав сводилось к обеспечению прав заявителей, предусмотренных положениями пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Суд присудил каждому из заявителей за нанесенный им моральный ущерб денежную компенсацию в размере 2000 евро. Суд также постановил, что французские власти должны компенсировать заявителям понесенные ими судебные расходы и издержки на сумму в 9000 евро для Абдрахмана Али Саматара и по 6 000 евро для остальных пятерых заявителей.

Судебный акт вступил в силу 4 марта 2015 года.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 2014 года по делам №№ 46695/10 и 54588/10 «Хассан и другие против Франции» (Hassan and others v. France)

Заявители, трое граждан Республики Сомали, изначально обвинялись в том, что 2 сентября 2008 года, действуя в составе вооруженной группы численностью примерно в 10 человек, захватили в международных водах у берегов Сомали парусную яхту «Carre d'Ass», принадлежавшую семье граждан Франции, и перегнали судно в окрестности сомалийского порта города Ксафун. Пираты затребовали за освобождение семейной пары хозяев яхты выкуп в 2 миллиона долларов США.

На момент указанного инцидента в отношении проблемы пиратства Сомали действовала Резолюция Совета Безопасности ООН № 1816 от 2 июня 2008 года, уполномочившая государства, сотрудничавшие с Временным переходным правительством Сомали (Дания, Испания, Канада, США, Франция)

в течение шести месяцев с момента принятия указанной резолюции вступать своими вооруженными силами на территорию Сомали и использовать все необходимые средства для борьбы с морским пиратством и вооруженным захватом судов. Во исполнение указанной резолюции Президент Франции принял политическое решение о силовом освобождении заложников.

В ночь с 15 на 16 сентября 2008 года подразделение французского спецназа, базировавшегося на фрегате ВМС Франции «Courbet», провело операцию по освобождению заложников, в ходе которой один из пиратов, находившихся на захваченной яхте, был убит, а шестеро других, включая всех троих заявителей, были задержаны французскими военнослужащими. В период с 16 по 22 сентября 2008 года они находились под стражей на борту названного военного судна. После его прибытия 22 сентября 2008 года в Джибути все задержанные были доставлены во Францию самолетом около 16 часов дня 23 сентября 2008 года. В тот же день их первый допрос провел уполномоченный сотрудник французской полиции. 24 сентября 2008 года заявители предстали перед представителем Прокуратуры Франции, продлившим их содержание под стражей на 24 часа. Вечером следующего дня заявители впервые предстали перед французским судом, избравшим к ним как подозреваемым в бандитизме, захвате заложников и участии в организованной преступной группе меру пресечения в виде содержания под стражей.

24 марта 2009 года все подозреваемые, включая заявителей, обратились в Парижский окружной апелляционный суд с жалобой на незаконность их содержания под стражей французскими силовыми структурами в период между 16 и 25 сентября 2008 года в отсутствие соответствующего судебного постановления. Эта жалоба была признана необоснованной определением французского апелляционного суда от 6 октября 2009 года, который оставил без изменения французский суд кассационной инстанции, куда до этого обратились с жалобами на возможное нарушение положений пунктов 1 и 3 статьи 5 Конвенции четверо подозреваемых, включая всех троих заявителей.

Приговором от 30 ноября 2011 года коллегия суда присяжных Парижа признала Абдуллаги Гюлеха Ахмеда невиновным по существу всех предъявленных ему обвинений. Пятеро остальных подсудимых тогда же были признаны виновными и приговорены к различным срокам лишения свободы от 4 до 8 лет во французских пенитенциарных учреждениях. Повторное заседание

коллегии суда присяжных решением от 1 февраля 2013 года оставила все вынесенные приговоры без изменений.

Французские адвокаты, представлявшие интересы заявителей, в 2010 году обратились в ЕСПЧ с жалобами на нарушения прав их подзащитных, якобы имевших место вследствие необоснованного задержания последних и лишения свободы в нарушение положений пункта 1 статьи 5 Конвенции французскими военнослужащими в период с 16 по 23 сентября 2008 года, а также в связи с нарушением права заявителей на незамедлительное доставление к должностным лицам, наделенным судебной властью (пункт 3 статьи 5 Конвенции).

В частности, адвокаты заявителей ссылались на то, что положения Резолюции № 1816 Совета Безопасности ООН от 2 июня 2008 года о борьбе с морским пиратством в Сомали, регламентирующие порядок применения «необходимых для этого средств», включая возможность задержания и лишения свободы подозреваемых в пиратстве французскими военнослужащими, были имплементированы во французское национальное законодательство лишь с принятием соответствующего закона о борьбе с морским пиратством № 2011-13 от 5 января 2011 года.

Рассмотрев указанные доводы представителей заявителей, ЕСПЧ счел их обоснованными в связи с тем, что содержащаяся в пункте 1 статьи 5 Конвенции формулировка «лишение свободы в порядке, установленном законом», подразумевает наличие соответствующего качественного международного и/или национального законодательства, где предпосылки к лишению свободы должны быть четко обозначены так, чтобы физические лица имели возможность предвидеть эти возможные правовые последствия совершаемых ими деяний. В этой связи в данном случае ЕСПЧ признал факт нарушения французскими властями положений пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении заявителей.

Рассмотрев жалобу заявителей на неоправданно длительный срок, произошедший с момента их задержания 16 сентября 2008 года до того момента, как заявители предстали перед французским судом 25 сентября 2008 года, Европейский Суд, как и при вынесения решений по группе дел «Али Саматар и другие против Франции» (*Ali Samatar and others v. France*, №№ 17110/10 and 17301/10) указал на наличие «исключительных

обстоятельств», препятствовавших тому, чтобы заявители были доставлены к должностным лицам, наделенным судебной властью, в возможно более короткие сроки, чем реальный временной промежуток между 16 и 23 сентября 2008 года.

Вместе с тем, сославшись на свое решение по делу «Васис и другие против Франции» (*Vassis and others v. France*, № 62736/09), Суд усмотрел нарушение прав задержанных на то, чтобы предстать перед судьей в течение 24 часов с момента их доставки во Францию вечером 23 сентября 2008 года. В связи с тем, что заявители по данной группе дел предстали перед судом, избравшим к ним меру пресечения в виде содержания под стражей, лишь через 48 часов после их доставки во Францию, ЕСПЧ усмотрел в данном случае нарушения прав заявителей, предусмотренных положениями пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Названным постановлением Европейский Суд присудил каждому заявителю 5 000 евро в качестве компенсации морального вреда, а также 7272,46 евро судебных расходов Абдуллаю Гюлех Ахмеду.

Судебный акт вступил в силу 4 марта 2015 года.

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 10 ноября 2015 года по делу № 40454/07 «Кудерк и АО «Ашетт-Филиппачи» против Французской Республики» (Couderc and Hachette Filipacchi Associés v. France)

Заявителями по делу выступили главный редактор еженедельного журнала «Пари-Матч» (*Paris Match*) Анн-Мари Кудерк и компания «Ашетт-Филиппачи», являющаяся издателем и собственником данного СМИ.

В первых числах мая 2005 года после кончины предыдущего суверена Княжества Монако князя Ренье III Гримальди и перехода всех полномочий главы государства к его старшему сыну и наследнику принцу Альберту, ряд немецких СМИ опубликовали со ссылкой на материалы, анонсированные французским журналом «Пари-Матч», информацию о том, что официально неженатый в то время князь Альберт Гримальди был отцом 18-месячного ребенка, рожденного его подругой – «госпожой К.» (Николь Кост, гражданка Франции, уроженка африканской Республики Того, бывшая стюардесса

кампании «Эр Франс»). Вслед за этим более подробный материал на данную тему был опубликован в выпуске журнала «Пари-Матч» от 5 мая 2005 года.

В середине мая 2005 года князь А. Гримальди через своих представителей подал в суды Германии и Франции иски в отношении изданий, опубликовавших указанную информацию, вследствие чего якобы было нарушено его право на уважение частной и семейной жизни. Суды ФРГ не нашли оснований для удовлетворения этих исков.

Напротив, французский суд первой инстанции решением от 29 июня 2005 года удовлетворил иск князя Монако, признав факт допущенного работниками и владельцами журнала нарушения прав А. Гримальди и членов его семьи на уважение к их частной жизни. Суд обязал представителей руководства «Пари Матч» выплатить истцу 50 000 евро денежной компенсации за нанесенный ему моральный ущерб, а также опубликовать информацию об этом судебном решении в ближайшем номере журнала «Пари-Матч». Данное судебное решение было оставлено без изменения определением французского суда апелляционной инстанции от 24 ноября 2005 года.

В промежутке между двумя указанными выше решениями французских судов А. Гримальди в июле 2005 года официально признал факт своего отцовства в отношении рожденного вне брака ребенка Н. Кост.

В 2007 году заявители обратились в Европейский Суд с жалобой на то, что решения, принятые в их отношении национальными судами Франции, явились нарушением статьи 10 Конвенции. Ни на момент первичной подачи жалобы, ни в ходе ее дальнейшего рассмотрения заявители не выдвигали каких-либо требований о денежных компенсациях нанесенного им ущерба.

Рассмотрев данную жалобу, ЕСПЧ 12 июня 2014 года вынес постановление, в котором большинством в 4 голоса против 3 признал наличие указанного нарушения. В данном постановлении, в частности, было установлено следующее:

«...Статья и фотографии касались ребенка правящего князя, раскрывая сведения о сыне, рожденном вне брака, о котором общественности ранее не было известно. Хотя согласно действующей Конституции Княжества Монако данный ребенок не имеет права быть наследником престола, само его существование могло представлять интерес для общественности и, особенно, для жителей Монако. Передача престола была основана на наследовании, и

рождение ребенка имело особое значение. Таким образом, в деле конкурировали требования защиты личной жизни князя и обсуждение будущего наследственной монархии. Поскольку это являлось вопросом политического значения, общественность имела законный интерес знать о существовании ребенка для возможности дискуссии о вероятных последствиях этого для политической жизни Княжества Монако.

Решающим фактором в сопоставлении защиты личной жизни и свободы выражения мнения должен выступать вклад в дискуссию, представляющую всеобщий интерес. В настоящем деле (опубликованные в журнале «Пари-Матч») материал и фотографии касались отношений князя с матерью ребенка, рождения ребенка, чувств князя, его реакции на рождение сына и отношений с сыном. Хотя темы, затронутые в настоящем деле, относились к сфере личной жизни князя, они также затрагивали личную жизнь матери ребенка и самого ребенка. Трудно понять, как личная жизнь одного лица – в данном случае князя – могла стать на пути требований иного лица – его сына – стремящегося заявить о своем существовании и добиться признания своей личности. Европейский Суд отметил в этом отношении, что К. согласилась на публикацию от ее собственного имени и от имени сына...».

Основываясь на указанных выводах, ЕСПЧ в своем постановлении от 12 июня 2014 года пришел к следующему заключению:

«...Решение, вынесенное против заявителей (национальными судебными властями Франции), не делало различий между информацией, которая являлась частью дискуссии, представляющей всеобщий интерес, и информацией, которая лишь затрагивала подробности личной жизни князя. Следовательно, несмотря на свободу усмотрения, которой располагают государства в данном вопросе, (в данном решении) отсутствовала разумная связь соразмерности между ограничениями, установленными судами в отношении права заявителей на свободу выражения мнения, и преследуемой законной целью (защиты личной жизни князя Монако)».

Указанное постановление было оспорено властями Французской Республики и передано на рассмотрение Большой Палаты ЕСПЧ 13 октября 2014 года.

В ходе судебного разбирательства по настоящему делу Большая Палата сосредоточилась на рассмотрении вопроса о том, в какой степени

национальные суды Франции и ФРГ, ранее вынесшие фактически противоположные решения по указанной жалобе, руководствовались принципом необходимости соблюдения баланса интересов между правами личности на защиту ее частной жизни и правами общества получать информацию по вопросам, представляющим общественный интерес. При этом судьи со ссылкой на ранее принятые решения ЕСПЧ подчеркнули необходимость проводить различия между информацией, реально вызывающей широкий общественный интерес, и теми подробностями личной жизни известных людей, которые призваны удовлетворить любопытство специфической целевой аудитории конкретных изданий.

В итоговом постановлении Большая Палата ЕСПЧ установила, что личность правителя Княжества Монако Альберта Гримальди как суверена государства, верховная власть в котором передается между членами одной семьи, представляла безусловный общественный интерес. Суд не усмотрел в содержании публикации в журнале «Пари Матч», каких-либо оскорблений личности князя Монако либо статусного достоинства. Было также сочтено, что рассмотрении указанного дела национальные суды Франции не приняли во внимание базовый для ЕСПЧ принцип необходимости соблюдения баланса между правами и интересами личности и общества.

В результате рассмотрения настоящего дела Большая Палата ЕСПЧ единогласно признала факт нарушения прав заявителей на свободу выражения мнения, гарантированных положениями статьи 10 Конвенции.

В качестве компенсации судебных расходов и издержек заявителям совместно присуждено 15 000 евро.

ШВЕЦИЯ

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 23 марта 2016 года по делу № 43611/11 «Ф.Г. против Швеции» (F.G. v. Sweden)

Заявитель, гражданин Ирана, ходатайствовал о предоставлении ему убежища в Швеции на том основании, что он работал с известными противниками иранского режима и был трижды арестован властями в период

между 2007 и 2009 годах, в частности, в связи с его веб-издательской деятельностью.

Заявитель был вынужден покинуть страну после того, как обнаружил, что в коммерческих помещениях, где он хранил политически чувствительные материалы, был проведен обыск и соответствующие документы исчезли. После прибытия в Швецию заявитель принял христианство, что могло подвергнуть его потенциальной угрозе применения смертной казни за отступничество в случае возвращения на родину.

В принятом по результатам рассмотрения жалобы заявителя постановлении от 16 января 2014 года Европейского Суд установил пятью голосами «за» и двумя - «против», что исполнение государством - ответчиком решения о высылке заявителя не составит нарушения императивных требований статьи 2 или 3 Конвенции.

Согласно позиции Суда национальные власти тщательным образом рассмотрели ходатайство заявителя о предоставлении убежища и ничто не указывало на то, что в процессе такой деятельности мог быть понижен уровень конвенционных гарантий от произвольной высылки лица в третье государство.

Наряду с этим, ЕСПЧ пришел к заключению, что политическая деятельность заявителя имела не более чем вспомогательный по отношению к основной деятельности характер. Он не был вызван в Революционный суд после ноября 2009 года, его семья в Иране не подвергалась политическим преследованиям со стороны властей из-за его политической деятельности, и, со слов заявителя, он не продолжал ее после прибытия в Швецию.

В ходе рассмотрения настоящего дела Европейским Судом в контексте исследования Судом возможных негативных последствий принятия заявителем христианства было установлено, что последний сознательно указал национальным органам, что не желает ссылаться на религиозную принадлежность в качестве основания предоставления убежища, поскольку считает ее исключительно личным делом. Судом было также принято во внимание, что заявитель имел возможность постановки вопроса о принадлежности к христианству в ходе проведенных устных слушаний в миграционном суде.

В то же время заявитель не сделал этого и изменил свою последовательную позицию лишь только после вступления в силу решения

национальных властей о высылке. ЕСПЧ также обращено внимание на то обстоятельство, что ничто в материалах настоящего дела не указывает на осведомленность иранских властей о новой религии заявителя, поскольку он обратился в христианство только после прибытия в Швецию и исповедовал свою веру в частном порядке.

Следовательно, заявитель не обосновал реальную и конкретную угрозу запрещенного в соответствии с положениями Конвенции обращения в случае возвращения в Иран.

Не согласившись с принятым постановлением, заявитель направил ходатайство о передаче данного дела на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда, которое было удовлетворено 16 апреля 2014 года в установленном порядке.

Признав в целом обоснованными доводы палаты, рассмотревшей настоящее дело по первой инстанции, относительно несостоятельности утверждений заявителя о возможном преследовании по политическим мотивам в случае высылки в Иран, Большая Палата Европейского Суда выразила принципиальное несогласие с оценкой отсутствия последнего по религиозным мотивам.

В пункте 156 постановления, в частности отмечается, что несмотря на осведомленность национальных властей о переходе заявителя из ислама в христианство, в результате которого последний стал принадлежать к группе лиц, способных по разным причинам, в случае возвращения в Иран, быть подвергнутым риску обращения, противоречащего положениям статей 2 и 3 Конвенции, они не изучили тщательно вопросы перехода заявителя в христианство, серьезности его убеждений, способов исповедования веры в Швеции и то, каким образом он будет исповедовать новую веру в Иране в случае исполнения решения о высылке.

В приведенных обстоятельствах Суд пришел к заключению о том, что шведские власти не осуществили проверку оценки риска, с которым заявитель мог бы столкнуться по возвращении в Иран в результате своего перехода в другую веру. Принимая во внимание абсолютный характер прав, гарантированных статьями 2 и 3 Конвенции независимо от поведения заявителя, отказавшегося на первоначальном этапе сослаться на религиозную принадлежность в качестве основания предоставления убежища, компетентные

национальные органы были обязаны по собственной инициативе оценить всю информацию, попадающую в поле их зрения, прежде чем принимать решение о высылке последнего в Иран.

Из этого следует, согласно резолютивной части постановления Большой Палаты ЕСПЧ, что в случае высылки заявителя в Иран без проведения шведскими властями оценки *ex nunc* дальнейших последствий его перехода в другую веру, это будет нарушением статей 2 и 3 Конвенции.

Заявитель не предъявил требований о компенсации морального вреда, в связи с чем Большая Палата ЕСПЧ не присудила никакой денежной компенсации в этом отношении, отметив, что сам факт признания нарушения будет являться соответствующей компенсацией. В качестве возмещения понесенных заявителем судебных расходов и издержек с государства-ответчика было взыскано 33 742 евро.

ШВЕЙЦАРИЯ

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 15 октября 2015 года по делу № 27510/08 «Перинчек против Швейцарии» (Perincek v. Switzerland)

Заявитель по данному делу, гражданин Турецкой Республики и нынешний лидер леворадикальной «Турецкой Рабочей Партии» Доку Перинчек, в 2005 году участвовал в состоявшихся в Швейцарии научно-исторических конференциях, в ходе которых неоднократно отрицал наличие в 1915 году какой-либо кампании геноцида армянского народа со стороны властей Османской Империи, исторической продолжательницей которой является Турция. В ответ на это представители армянской диаспоры Швейцарии, участвовавшие в работе ассоциации «Швейцария - Армения», в июле 2005 года обратились в городской суд Лозанны с требованием возбудить уголовное дело в отношении Д. Перинчека в связи с наличием в его заявлениях, опубликованных в местной прессе, признаков национальной нетерпимости.

Приговором Уголовного суда города Лозанны от 9 марта 2007 года Д. Перинчек был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного положениями вступившей в силу с 1995 года статьи 26 Ibis Уголовного кодекса Швейцарской Конфедерации («Расовая дискриминация в

форме публичных заявлений, пытающихся минимизировать либо оправдать геноцид, либо иные преступления против человечества»). Данная статья УК предусматривает за совершение указанного преступления наказание в виде лишения свободы сроком до трех лет с одновременным либо альтернативным наложением денежного штрафа. Суд первой инстанции приговорил заявителя к уплате денежного штрафа в размере 4 000 швейцарских франков и к 90 суткам лишения свободы.

Приговор суда от 9 марта 2007 года был оспорен заявителем в апелляционном порядке в окружном суде кантона Во (Vaud), а затем в кассационной инстанции - Федеральном Суде Швейцарии. В своих постановлениях от 13 июня 2007 года и, соответственно, от 12 декабря 2007 года обе упомянутые судебные инстанции признали геноцид армянского народа в 1915 году «исторически установленным фактом» и законным основанием для применения судом первой инстанции в отношении заявителя положения статьи 261bis УК Швейцарии.

Заявитель обжаловал указанные постановления судебных органов государства-ответчика в Европейский Суд, указав на допущенные швейцарскими властями нарушения права заявителя на свободу выражения мнения, предусмотренного положениями статьи 10 Конвенции.

Рассмотрев жалобу Д. Перинчека в отношении судебных властей Швейцарии, ЕСПЧ 17 декабря 2013 года вынес постановление о признании, факта нарушения швейцарскими властями прав заявителя на свободу выражения мнения.

В ходе рассмотрения дела ЕСПЧ исследовал как правовые определения «геноцида», данные в Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948), так и соответствующие дефиниции, принятые в итоговых документах Международных уголовных трибуналов в Нюрнберге, по бывшей Югославии и Руанде. Судом было также отмечено, что массовые репрессии против армян в турецкой Османской империи, имевшие место в 1915-1917 годах, явились основанием для подписания двадцатью депутатами Парламентской ассамблеи Совета Европы декларации 24 апреля 2013 года № 542 «О признании геноцида армян».

Воздержавшись от каких-либо правовых оценок спорных событий 1915-1917 годов в Османской империи, судьи Европейского Суда сосредоточились

на формальной необоснованности решений швейцарских судов в отношении Д. Перинчека. В частности, ни в одном из этих решений не имелось упоминаний о «насущной общественной необходимости» вынесения обвинительного приговора заявителю в целях защиты чести и достоинства потомков жертв соответствующих событий.

По ходатайству государства-ответчика настоящее дело было передано на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда.

В принятом по результатам рассмотрения Большой Палатой ЕСПЧ постановлении от 15 октября 2015 года судьи большинством в 10 из 17 голосов признали факт нарушения швейцарскими властями предусмотренной положениями части 1 статьи 10 Конвенции свободы выражения мнения заявителя в результате его привлечения к уголовной ответственности в Швейцарии за критические высказывания в отношении геноцида армян в Османской империи в 1915 году.

Вместе с тем, данное постановление не содержит вывода о том, что соответствующие события в принципе представляли собой геноцид. В пункте 102 судебного акта особо отмечается, что Европейский Суд не только не обязан, но и не имеет права давать юридически значимый ответ на вопрос об этом.

Таким образом, хотя Европейский Суд не озвучил какого-либо вывода о наличии в 1915 году геноцида армян, ни один из Судей прямо не высказался против этого.

Отметив чувствительность данного вопроса для армянского сообщества, Большая Палата ЕСПЧ указала, что слова заявителя не были направлены к возбуждению вражды или нетерпимости, он не выражал презрения или ненависти по отношению к жертвам событий 1915 года и последующих лет, он не называл армян лжецами и не высказывал в отношении них ругательств. Его жесткие утверждения о том, что геноцид армян – это большая международная ложь, были направлены против «империалистов» и их предполагаемых коварных планов в отношении Османской империи и Турции. В итоге, слова заявителя по вопросу, привлекающему значительное общественное внимание, заслуживали повышенной защиты со стороны статьи 10 Конвенции.

Согласно сформированным ЕСПЧ выводам, высказывания заявителя не затрагивали национальную идентичность армян, и имели весьма ограниченное распространение.

Тем не менее, заявитель был привлечен за свои высказывания к уголовной ответственности.

В приведенных обстоятельствах, Европейский Суд решил, что в данном случае имело место нарушение свободы выражения мнения заявителя. В этой связи в судебном акте было упомянуто ранее вынесенное постановление, где власти Турции были признаны виновными в необоснованном привлечении к уголовной ответственности в нарушение положений статьи 10 Конвенции заявителя, публично утверждавшего о наличии геноцида армян в событиях 1915 года (постановление по делу «Гючлю против Турции» (*Güçlü v. Turkey*, № 27690/03)).

Большая Палата особо отметила разницу между настоящим делом, касающимся выступлений заявителя в Швейцарии, не имеющей прямой связи с событиями в Османской империи почти вековой давности, и отрицанием Холокоста в Австрии, Бельгии, Германии, Франции. По мнению большинства судей Большой Палаты, «основанием для признания отрицания Холокоста преступлением является не столько то обстоятельство, что это однозначно установленный исторический факт, но то, что в свете исторического контекста, в котором находятся соответствующие государства, его отрицание, даже если оно обряжено в форму беспристрастного исторического исследования, должно неизменно рассматриваться как коннотация антидемократической идеологии и антисемитизма. Отрицание Холокоста становится, таким образом, вдвойне более опасным, особенно в странах, которые испытали на себе ужасы нацизма и могут рассматриваться как несущие особую моральную ответственность за дистанцирование от массовых зверств, которые они совершили или к которым подстрекали, предполагающую, среди прочего, запрет их отрицания».

Указанная формулировка содержала объяснение того, почему ранее поданные в ЕСПЧ против властей указанных стран жалобы на привлечение к ответственности за отрицание Холокоста, были признаны неприемлемыми Европейской Комиссией по правам человека как правопродшественницей Суда.

Большинством в 12 голосов против 5 судьи Большой Палаты отклонили требования заявителя о компенсации ему со стороны властей Швейцарии 100 000 евро в качестве возмещения морального вреда.

Большая Палата ЕСПЧ постановила, что само по себе признание нарушения статьи 10 Конвенции в данном случае является достаточной компенсацией причиненного заявителю морального вреда.

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 21 июня 2016 года по делу № 5809/08 «Аль-Дулими и Монтана менеджмент Инк. против Швейцарии» (Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland)

Заявителями по настоящему делу являются проживающий в Аммане (Иордания) гражданин Ирака Халаф М. Аль-Дулими и расположенная в Панаме компания «Монтана менеджмент Инк», руководство деятельностью которой осуществлял первый заявитель.

В качестве реакции на осуществленную иракскую агрессию против Кувейта Советом Безопасности Организации Объединенных наций в августе 1990 года были приняты две резолюции, призвавшие государства-члены ООН, а также другие страны установить режим эмбарго в отношении Ирака.

Федеральный Совет Швейцарии 7 августа 1990 года принял постановление «по Ираку», предусматривающее введение экономических санкций против этого государства.

22 мая 2003 года Советом Безопасности ООН была одобрена Резолюция 1483 (2003), возложившая на государства обязанность «заморозить» без дальнейшего промедления все средства, финансовые активы и иные ресурсы, принадлежащие руководству бывшего иракского режима и аффилированных с ним компаний. В дальнейшем в системе ООН был создан Санкционный комитет, ответственный за составление списка руководителей и видных представителей режима Саддама Хуссейна, их родственников и ближайшего окружения, а также установление местонахождения принадлежащих последним или иным лицам, действующим в их интересах, активов. 26 апреля 2004 года оба заявителя были включены Санкционным комитетом в соответствующий список, на том основании, что по имеющейся информации в структурах ООН

первый заявитель осуществлял финансирование секретных служб бывшего иракского режима.

Одновременно на основании соответствующей информации ООН сведения о заявителях были включены швейцарскими властями в перечень физических и юридических лиц, сформированный в соответствии с постановлением «по Ираку». С этого момента принадлежащее заявителям на территории Швейцарии активы были «заморожены» в ожидании процедуры конфискации, запущенной Федеральным департаментом экономики.

Согласно ряду решений, принятых властями Швейцарии в ноябре 2006 года, принадлежащее заявителям спорное имущество подлежало конфискации и поступало в распоряжение Фонда развития Ирака. В обоснование принятых актов Федеральным департамент экономики сослался на присутствие заявителей в санкционном списке Совбеза ООН и императивной обязанности Швейцарии исполнять свои обязательства, вытекающие из членства в этой международной организации. Имена заявителей перестали бы фигурировать в названном перечне лишь после принятия Совбезом ООН решения об исключении последних из санкционного списка.

Заявители оспорили принятые Федеральным департаментом экономики решения в национальных судах, которые по результатам рассмотрения соответствующих жалоб по существу вынесли решения об отказе в удовлетворении заявленных требований. При этом национальные суды в ходе рассмотрения соответствующих дел ограничились лишь проверкой факта того, что заявители фигурировали в санкционных списках ООН.

Европейский Суд 26 ноября 2013 года вынес постановление, в котором констатировал нарушение властями государства-ответчика положений пункта 1 статьи 6 Конвенции. ЕСПЧ посчитал не лишённой оснований позицию заявителей о том, что имевшая место конфискация была произведена в отсутствие гарантий, предусмотренных Конвенцией. Судом, в частности, отмечается, что при отсутствии гарантий эффективной и независимой проверки на уровне ООН процедуры внесения в санкционный список физических лиц и организаций, важнейшее значение приобретало право таких лиц на обжалование в судах любой меры, принятой на национальном уровне во исполнение санкционного режима.

В дальнейшем настоящее дело было передано на рассмотрение в Большую Палату Европейского Суда по ходатайству властей государства-ответчика.

В вынесенном Большой Палатой ЕСПЧ постановлении от 21 июня 2016 года отмечается, что Резолюция 1483 (2003) Совбеза ООН не содержит императивного запрета и не исключает возможность судебного контроля мер, принятых в исполнение ее положений национальными властями.

В приведенных обстоятельствах вопреки доводам представителей властей государства-ответчика Швейцария не столкнулась с конфликтом международных обязательств, вытекающих из Устава ООН и Конвенции. Власти государства-ответчика, в этой связи, не могли ограничиться лишь ссылкой на приоритетный по отношению к положениям Конвенции и обязательный для исполнения характер резолюций Совбеза ООН и проверкой факта наличия сведений о заявителях и принадлежащим им имуществе в санкционных списках Совбеза ООН.

Напротив, Европейскому Суду должно было быть продемонстрировано, что последние предприняли необходимые меры, направленные на обеспечение учета индивидуальной ситуации заявителей при применении режима санкций, обеспечив тем самым гарантию адекватной защиты от произвола.

В частности, заявителям должна была быть обеспечена реальная возможность представления доказательств в обоснование своих требований о произвольном характере включения сведений о них в санкционный список для их исследования и оценки национальным судом.

Следовательно, государство-ответчик, выполнявшее требование Резолюции Совбеза ООН и включившее юридическое и физическое лицо в соответствующий национальный перечень без обеспечения судебной гарантии того, что такое включение не было произвольным, противоречит самой сути права на доступ к суду.

Наряду с этим, Европейским Судом также обращено внимание на то, что система санкций ООН, включая порядок составления соответствующих списков, а также исключения из них, неоднократно подвергались серьезной критике со стороны специальных докладчиков ООН. При этом доступ к процедуре исключения из списка не может заменить соответствующего

судебного контроля на уровне государства-ответчика или даже частично компенсировать его отсутствие.

По результатам рассмотрения настоящего дела Большая Палата Европейского Суда признала заявителя жертвой нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Принимая во внимание отсутствие причинно-следственной связи между констатированным нарушением и убытками заявителей по настоящему делу, а также непредъявление последними требований о компенсации морального вреда и понесенных судебных расходов и издержек Большая Палата не присудила в пользу последних денежных сумм.

УКРАИНА

«Пилотное» постановление Европейского Суда по правам человека от 15 октября 2009 года по делу № 40450/04 «Юрий Николаевич Иванов против Украины» (Yuriy Nikolayevich Ivanov v. Ukraine)

Заявитель по данному делу – Юрий Николаевич Иванов, бывший украинский военнослужащий. После ухода на пенсию из вооруженных сил Украины в 2000 году он имел право на единовременную выплату и компенсацию за форменную одежду.

В связи с тем, что названные выплаты не были осуществлены, в июле 2001 года Иванов Ю.Н. обратился в Черкасский областной военный суд с иском о выплате причитающихся ему в соответствии с законодательством денежных средств. Полностью удовлетворив требования истца, суд обязал воинскую часть А-1575 выплатить заявителю 1 449,36 украинских гривен в качестве компенсации за форменную одежду, 2 512,50 гривен по просроченным пенсионным платежам и 51 гривну в качестве возмещения судебных расходов и издержек. Ответчик исполнил названное решение суда частично, перечислив заявителю сумму в размере 2 512,50 гривен.

В ходе начавшегося в январе 2002 года исполнительного производства, судебные приставы уведомили Иванова Ю.Н. об аресте банковских счетов должника, однако денежные средства на последних отсутствовали.

В ноябре 2002 года Министерство обороны проинформировало заявителя о том, что действия законодательных положений, дающие ему право на

получение компенсации за форменную одежду было приостановлено, в связи с чем, бюджетные ассигнования на указанные цели не были предусмотрены.

После расформирования воинской части должника, ее права и обязанности, в том числе задолженности перед заявителем перешли в порядке правопреемства к воинской части А-0680. Письмом от 6 апреля 2004 года судебные приставы уведомили заявителя об отсутствии денежных средств на счетах последней, а также о законодательном запрете принудительной реализации ее активов.

Наряду с этим, заявитель направил иск в Ленинский районный суд города Кировограда против судебных приставов, утверждая, что решение военного суда от 2001 года не было исполнено по вине последних. В июле 2003 года, суд в своем решении указал, что судебные приставы не приняли необходимых мер для обеспечения исполнения решения в пользу Иванова Ю.Н. и присудил в качестве компенсации материального ущерба 1 500 гривен и 1 000 гривен в счет причиненного морального вреда.

В марте 2004 года заявитель обратился с письменным заявлением о выдаче ему исполнительного листа в отношении последнего решения, однако ответ властями не был представлен. В приведенных обстоятельствах заявитель обратился в Европейский Суд в защиту своих прав и законных интересов.

ЕСПЧ в своем постановлении констатировал наличие структурной проблемы неисполнения и (или) длительного исполнения решений национальных судов по искам к государству и государственным предприятиям и отсутствие внутренних эффективных средств правовой защиты в этой связи (нарушение пункта 1 статьи 6, 13 Конвенции и статьи 1 Протокола №1 к Конвенции).

В течение трех месяцев с момента вступления данного постановления в силу Суд обязал государство-ответчика выплатить заявителю сумму непогашенного долга по решениям национальных судов от 22 августа 2001 года и 29 июля 2003 года, 174 евро в части покрытия инфляционных потерь, а также 2 500 евро компенсации морального вреда и 1 740 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек.

На момент вынесения названного постановления в ЕСПЧ ожидали рассмотрения приблизительно 1 400 жалоб против Украины, которые полностью или частично касались обозначенной проблематики.

Суд установил, что существующая практика, не совместима с положениями Конвенцией, и в соответствии с подходом, изложенным в постановлении от 15 января 2009 года по делу «Бурдов против России» (*Burdov v. Russia, N 33509/04*) (N 2), применил процедуру «пилотного» постановления.

Европейский Суд пришел к выводу, что нарушения, отмеченные в данном постановлении, не связаны с единичным случаем или особыми обстоятельствами, а являются следствием недостатков нормативного регулирования и административной практики органов государственной власти по исполнению решений национальных судов, за которые последние несут ответственность.

В пункте 94 постановления, Суд указал властям на необходимость, в течение одного года после вступления постановлений в силу, ввести в национальную правовую систему эффективное средство правовой защиты и обеспечить его соответствие, как в теории, так и на практике ключевым критериям, установленным Судом, учитывая при этом рекомендации Комитета министров Совета Европы.

В то же время, Европейский Суд признал необходимым отложить на один год рассмотрение подобных дел до принятия государством ответчиком соответствующих мер.

Судебный акт вступил в силу 15 января 2010 года.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 ноября 2005 года по делу № 34056/02 «Гонгадзе против Украины» (Gongadze v. Ukraine)

Настоящее дело касается нарушения материального и процессуального аспектов статьи 2 Конвенции в связи с необеспечением украинскими властями защиты жизни супруга заявительницы – находившегося в оппозиции руководству страны известного журналиста Георгия Гонгадзе и отсутствием проведения эффективного расследования по факту исчезновения и смерти последнего.

Г. Гонгадзе исчез в сентябре 2000 года при не установленных обстоятельствах. 8 ноября 2000 года было найдено тело неопознанного человека, и первая судебно-медицинская экспертиза заключила, что смерть этого лица совпадала по времени с исчезновением супруга заявительницы.

Несколько дней спустя родственниками было опознано найденное тело как тело пропавшего журналиста. Однако все документы, касающиеся первой судебно-медицинской экспертизы, были изъяты властями.

Впоследствии власти заявили, что вопреки заключениям экспертизы тело, которое было обнаружено, на самом деле в течение двух лет находилось в погребении. Власти отказали в ходатайстве заявительницы об участии в производстве по делу в качестве гражданского истца и в опознании обнаруженного тела. При проведении повторной судебно-медицинской экспертизе установлено, что найденное тело являлось телом исчезнувшего журналиста. Тем не менее, Генеральный Прокурор Украины объявил, что это заключение не могло быть подтверждено, так как имелись свидетели, которые видели журналиста живым после его исчезновения.

В феврале 2001 года Генеральная Прокуратура Украины уведомила заявительницу о том, что на основе дополнительных доказательств власти признали, что найденные остатки принадлежат ее супругу. В мае 2001 года власти объявили о том, что Г. Гонгадзе был, возможно, убит двумя наркоманами, и что преступление, в этой связи не имело политической подоплеки.

В ходе рассмотрения настоящего дела применительно к нарушению материального аспекта статьи 2 Конвенции, ЕСПЧ допустил высокую вероятность причастности сотрудников полиции к исчезновению и последующему убийству журналиста.

Констатация нарушения процессуального аспекта статьи 2 Конвенции преимущественно мотивирована Европейским Судом в пункте 178 настоящего постановления.

В частности, Суд заключил, что материалы настоящего дела свидетельствуют о том, что в ходе проводимого расследования вплоть до декабря 2004 года власти главным образом пытались доказать непричастность высокопоставленных государственных чиновников, чем установить истинные обстоятельства исчезновения и смерти супруга заявительницы.

Наряду с этим, Судом установлено нарушение статьи 3 Конвенции ввиду характера причиненных заявительнице правоохранительными органами в ходе проведения соответствующего расследования страданий, эквивалентных унижающему достоинство обращению, а также статьи 13 Конвенции, как в

связи с отсутствием в распоряжении заявительницы эффективного средства правовой защиты в отношении факта расследования обстоятельств исчезновения и смерти ее супруга, так и невозможностью требования компенсации причинного вреда по причине неустановления виновных в совершении преступления лиц.

В качестве компенсации причиненного заявителю морального вреда, судебных расходов и издержек Европейский Суд взыскал с государства-ответчика 100 000 евро.

Судебный акт вступил в силу 8 февраля 2006 года.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 октября 2014 года по делу № 46193/13 «Чаниев против Украины» (Chanyev v. Ukraine)

Данное дело касается нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием заявителя, гражданина Украины Ю.В. Чаниева, под стражей без соответствующего судебного решения в период после завершения предварительного следствия и до начала рассмотрения уголовного дела (с 28 февраля по 15 апреля 2013 года) национальным судом по обвинению последнего в убийстве.

Из обстоятельств дела следует, что в ноябре 2012 года заявитель был арестован по подозрению в совершении убийства. Согласно решению суда, заявителю была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком до 27 февраля 2013 года. За два дня до окончания этого срока прокурором было предъявлено обвинение, и соответствующие материалы направлены в суд.

28 февраля 2013 года, в связи с истечением срока содержания под стражей, адвокат заявителя направил соответствующее ходатайство руководителю пенитенциарного учреждения о его освобождении.

В своем ответе на ходатайство начальник учреждения сослался на нормы действующего Уголовно-процессуального кодекса Украины, согласно которым после направления материалов дела в суд первой инстанции, последним выносится решение о продлении или изменении меры пресечения.

Последующие заявления об освобождении заявителя из-под стражи, поданные адвокатом заявителя в судебные инстанции, были также отклонены на основании части третьей статьи 331 Уголовно-процессуального кодекса,

которая представляет суду первой инстанции два месяца на принятие решения, о продлении соответствующего срока после предъявления обвинительного заключения.

15 апреля 2013 года Измаильский районный суд Одесской области продлил срок содержания заявителя под стражей. Впоследствии Чаниев Ю.В. был признан виновным в совершении преступления и приговорен к 11 годам лишения свободы.

В ходе рассмотрения данного дела в Европейском Суде, последний акцентировал внимание на существенном отличии настоящего дела от ранее рассмотренных дел против Украины, поднимающих проблематику нарушений пункта 1 статьи 5 Конвенции, поскольку уголовное преследование заявителя осуществлялось уже в соответствии с положениями нового Уголовно-процессуального кодекса Украины (вступил в силу с 19 ноября 2012 года), призванного устранить несовместимые с положениями данной нормы Конвенции недостатки национального правового регулирования.

Европейским Судом установлено, что все жалобы заявителя о незаконном содержании под стражей в период после окончания предварительного расследования и началом рассмотрения дела судом были отклонены украинскими властями в связи с соответствием содержания заявителя под стражей в указанный период положениям уголовно-процессуального законодательства. ЕСПЧ особо подчеркивает заявленную позицию национальных властей об отсутствии какого-либо нарушения прав заявителя на свободу и личную неприкосновенность, несмотря на факт содержания заявителя под стражей более полутора месяцев без соответствующего судебного решения.

В приведенных обстоятельствах Суд констатировал, что в действующей системе нормативно-правового регулирования допускается содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений лиц без судебного решения сроком до двух месяцев в период между окончанием предварительного расследования и началом судебного разбирательства по делу.

В рамках применения статьи 46 Конвенции ЕСПЧ указал, что для разрешения отмеченной дисфункции национального законодательства, наиболее предпочтительным было бы принятие украинскими властями незамедлительных мер, направленных на реформирование последнего в целях

приведения национального уголовного процесса в соответствии с требованиями статьи 5 Конвенции.

ЕСПЧ взыскал в пользу заявителя 4 500 евро в качестве компенсации понесенного морального вреда.

Судебный акт вступил в силу 9 января 2015 года.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 июля 2013 года по делу 23465/03 «Агрокомплекс против Украины» (Agrokompleks v. Ukraine)

Настоящее дело касается нарушений гарантированных Конвенцией прав заявителя в ходе инициированной последним в 1996 году процедуры несостоятельности (банкротства) в отношении Лисичанского нефтеперерабатывающего завода – крупнейшего украинского НПЗ с преобладающим участием государства в уставном капитале (67,41%).

Компания-заявитель «Агрокомплекс» осуществляла бартерные торговые операции с российскими предприятиями, в частности, обмен продовольственного сырья из Украины на российскую нефть и дальнейшую продажу готовых нефтепродуктов.

Из обстоятельств дела следует, что в 1991-1993 годах компания Агрокомплекс поставила для переработки 375 000 тонн сырой нефти Лисичанскому нефтеперерабатывающему предприятию, крупнейшему в то время в Украине, которое позднее было переименовано в Лисичанскнафтооргсинтез (ЛиНОС).

Осенью 1993 года государственные предприятия Луганской области, занимающиеся добычей угля, оказанием коммунальных услуг и другими видами деятельности, необходимыми для экономики региона, испытывали особенно острый дефицит в топливе. В рамках чрезвычайных мер, принятых для преодоления кризиса, региона возложили обязанность на НПЗ бесплатно удовлетворять региональные потребности в нефтепродуктах, независимо от того, были ли они произведены из нефти, принадлежащей клиентам.

Учитывая данное обстоятельство, нефтеперерабатывающий завод отгрузил лишь незначительную часть нефтепродуктов Агрокомплексу.

В марте 1993 года и в ноябре 1994 года Высший Хозяйственный Суд Украины (ВХС), удовлетворяя иски компании-заявителя, подтвердил

контрактные обязательства нефтеперерабатывающего завода и обязал его поставить предусмотренное в соглашении количество нефтепродуктов. В июле 1996 года ВХС вынес решение о выплате компенсации Агрокомплексу за длительное неисполнение решений в его пользу.

В том же месяце компания Агрокомплекс обратилась в ВХС с требованием возбудить дело о несостоятельности (банкротстве) в отношении ЛиНОС, ссылаясь на неисполнение соответствующих судебных решений.

9 августа 1996 года Хозяйственный суд Полтавской области начал производство по делу о несостоятельности.

В постановлении от 2 июля 1998 года Высший Хозяйственный Суд, рассмотрев просьбу заявителя об определении окончательной суммы непогашенной задолженности должника, установил ее в размере 216 150 544 украинских гривен. Данное решение не было обжаловано сторонами и впоследствии вступило в законную силу.

Однако, позднее, в июле 1998 года Правительством Украины была создана рабочая группа из представителей властей для установления причин возникновения задолженности ЛиНОС перед его кредиторами, а также для изучения возможных последствий урегулирования их претензий. В своем отчете (август, 1998 года) рабочая группа указала на необходимость осуществить сверку суммы задолженности. В апреле 2000 года Луганское Областное Ревизионное Управление в представленном отчете сделало вывод о том, что задолженность ЛиНОС перед Агрокомплексом фактически составляла 36 401 894 грн.

Посчитав такой вывод вновь открывшимся обстоятельством, ЛиНОС обратился в ВХС с заявлением о пересмотре постановления от 2 июля 1998 года. В июне 2001 года ВХС в результате пересмотра настоящего дела уменьшил размер задолженности до 97 406 920 гривен.

При обращении в Европейский Суд, заявитель ссылаясь на гарантии предусмотренные пунктом 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, указал на нарушение принципа правовой определенности в результате пересмотра решения ВХС от 2 июля 1998 года, чрезмерную длительность и несправедливость судебного процесса в деле о банкротстве, а также на неспособность предприятия с преобладающим участием государства в уставном капитале исполнить долговые обязательства.

В ходе судебного разбирательства Европейским Судом установлено, что в результате пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам и отмены вступившего в законную силу судебного решения от 2 июля 1998 года, определяющего совокупный объем прав требований заявителя к неплатежеспособному должнику, размер подлежащей погашению последним кредиторской задолженности был существенно занижен.

Судом в постановлении от 6 октября 2011 года по существу дела признано нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции вследствие отсутствия независимости и беспристрастности национальных судов в процессе рассмотрения дела, чрезмерной длительности судебных разбирательств, а также отмены принятого по делу окончательного решения по вновь открытым обстоятельствам в нарушение гарантированного Конвенцией с учетом интерпретации ее положений в прецедентной практике Европейского Суда принципа правовой определенности.

Наряду с констатацией названных нарушений, Судом признано нарушение властями Украины статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции вследствие имевшего место неоправданного вмешательства в право собственности компании-заявителя в результате несоблюдения «справедливого баланса» между требованиями общественного интереса и необходимостью обеспечения гарантий защиты прав частного лица.

Согласно отдельному постановлению Суда по справедливой компенсации от 25 июля 2013 года заявителю в качестве компенсации морального вреда и имущественного ущерба была присуждена сумма в размере 27 000 000 евро.

Резолютивная часть судебного акта определила следующий порядок и срок ее выплаты: 13 500 000 евро должны быть выплачены в течение 12 месяцев, а оставшаяся половина суммы (13 500 000 евро) – не позднее 24 месяцев с момента вступления постановления в силу. Присужденную в пользу компании - заявителя компенсацию судебных издержек и расходов в размере 30 000 евро государство – ответчик обязано выплатить в течение 3 месяцев с момента вступления судебного акта в силу.

Судебный акт по существу дела вступил в силу 8 марта 2012 года, а в отношении справедливой компенсации 9 декабря 2013 года.